АСО АМИРАНА

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

ХОЛОДНЫЙ ПОДИУМ

СПОРТИВНАЯ ДРАМА О ФОРМУЛЕ-1

ЗА МЕЧТЫ В ФОРМУЛЕ-1 ПЛАТЯТ ДОРОГО.
ИНОГДА — СОБОЙ.

18+

Асо Амирана

ХОЛОДНЫЙ ПОДИУМ

«Автор»
2026

Амирана А.

ХОЛОДНЫЙ ПОДИУМ / А. Амирана — «Автор», 2026

Формула-1 — мир больших денег, закрытых дверей и мужчин, привыкших побеждать. В этом мире Джаклин Адамс не дали бы ни единого шанса. Поэтому она стала Джеком. Она отрезала волосы, спрятала фигуру под мешковатой одеждой и три года оставалась в тени — мальчиком на побегушках, которому не место за рулём. Всё ради мечты однажды оказаться среди тех, кем она прежде восхищалась издалека.Но один случайный круг меняет всё. Джаклин получает контракт с Titanium Racing. Теперь она сама выходит на трассу. Однако у новой жизни есть цена: её напарник — Йен Эшфорд, двукратный чемпион мира, который не намерен принимать её на равных.Джаклин предстоит доказать, что она достойна Формулы-1, и сохранить секрет, на котором держится её карьера. Одно неверное движение — и она потеряет всё, ради чего боролась.На трассе соперников видно в зеркалах. Но главная опасность для Джаклин — правда, которая может лишить её всего.Добро пожаловать на холодный подиум.

© Амирана А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ХОЛОДНЫЙ ПОДИУМ 5
ГЛАВА 1 7
ГЛАВА 2 14
ГЛАВА 3 17
ГЛАВА 4 21
ГЛАВА 5 24
ГЛАВА 6 28
ГЛАВА 7 32
ГЛАВА 8 38
ГЛАВА 9 45
ГЛАВА 10 52
ГЛАВА 11 58
ГЛАВА 12 62
ГЛАВА 13 67
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Асо Амирана
ХОЛОДНЫЙ ПОДИУМ

ХОЛОДНЫЙ ПОДИУМ

АСО АМИРАНА

От автора

Вам когда-нибудь случалось влюбиться в то, чего вы совсем не понимаете?

Я вот уже не вспомню тот самый момент, когда меня в это затянуло. Но если мысленно вернуться в детство — а детство у нас было с пузатым телевизором и антенной из фольги, — я отчётливо вижу себя сидящей на вытертом полу у отцовских ног. По экрану мелькали какие-то бешеные разноцветные штуки, которые, как выяснилось позже, назывались болидами. Разобрать, что вообще происходит, было невозможно — сплошное цветное пятно. Правил я, конечно, не знала. Зато знала другое: пока я с серьёзным видом смотрю гонку вместе с отцом, уроки можно не делать. И, если совсем честно, больше всего я ждала аварий. Для ребёнка это была единственная понятная драма: одно мгновение — и машина превращается в россыпь обломков. А имя Шумахера звучало почти как имя мифического героя — человека, который, казалось, способен выиграть гонку хоть на табуретке.

Потом Формула-1 как-то незаметно исчезла из моей жизни. А я выросла.

Спустя много лет, уже взрослой, я совершенно случайно наткнулась на документальный фильм о нём. И вдруг всё, что казалось давно забытым, вернулось одним ударом сердца. Я вернулась. Вернулась в гонки уже всерьёз. Разбираясь, возмущаясь, болея так, будто у меня там родственник в болиде. И вот представьте: взрослая девица, которая к этому миру даже близко не относится и по пит-лейну может пройтись только в мечтах. Меня так накрыло, что я, как ярая фанатка, начала придумывать свою реальность. И, кажется, даже немного перестаралась и получила четырёхсотстраничную книгу.

Иногда воображение — единственное место, где человек может прожить ту жизнь, которая никогда не станет его собственной.

Я надеюсь, что эти страницы заставят вас почувствовать хотя бы часть того восторга, который когда-то подарила и дарит мне Формула-1.

А теперь — пора на старт.

ПРОЛОГ

Пад-док.

Моя первая любовь. Моя упрямая привычка.

Паддок.

Слышите, как это слово сначала притворяется невинным?

Произнесите его шёпотом — и первая гласная почти обманет вас.

А-а-а.

Сначала в нём слышалось что-то почти мирное. Чистый воздух, утренний свет, обещания покоя. Ложь, конечно. Но сразу за ним в нёбо врезается сухое, сдвоенное «д» — звук, лишённый всякой мягкости.

Паддок был моим камертоном. Не красивой картинкой для тех, кто приходит сюда с пропуском на шее и восторгом в глазах. Камертоном.

Нормальные люди — безымянная масса, населяющая трибуны, — смотрят и не видят. Они потребляют глазами глянцевый карбон, ловят ртами заученные улыбки пилотов — эти мимолётные гримасы, рассчитанные на ненасытный объектив. Им кажется, что гонка — это только рёв моторов, мелькание цветных пятен на асфальте и шампанское, пролитое на чужие комбинезоны. Они уходят, унося в своей близорукой памяти только верхний блеск события.

Они ничего не увидели.

Красота паддока в его ясности. В лицах механиков, которые не поднимали глаз, потому что каждая секунда уже кому-то принадлежала. В голосах, сорванных до хрипа. В испачканных руках.

Я вдыхала всё это. Страх не успеть. Страх оказаться лишней, выброшенной на обочину. И странное, почти постыдное счастье — быть именно здесь, в самом центре этого грохочущего нутра, где никто не обязан тебя любить, но каждый — от последнего механика до первого пилота — обязан понимать, зачем ты стоишь рядом. Зачем дышишь. Зачем существуешь.

Сначала мне казалось, что паддок любит сильных. Потом — что талантливых. Потом — что богатых, наглых, удачливых, тех, кто умеет входить в чужую жизнь без стука и занимать в ней лучшее место.

Нет. Паддок никого не любит. Именно поэтому я ему верила.

Кто-то ходит в церковь. Кто-то — к психоаналитику. Кто-то ищет спасения в любви, в деньгах, в чужих руках, в городах, куда можно уехать и начать всё сначала.

У меня был паддок.

Это не любовь. Это заражение. Хроническое.

И я не хочу лечиться.

ГЛАВА 1

GRID A

Укрывшись от механиков в недрах зрительских трибун, Джеки забилась в узкий закуток под лестницей — туда, куда не добивал прямой свет и где можно было на пять минут притвориться, что она одна во всём мире. От механиков она спряталась. От шума — нет.

Он просачивался отовсюду: низкий, вибрирующий гул, от которого закладывало уши. Джеки отломила кусок хлеба, просто чтобы занять чем-то руки, и заставила себя жевать. Безвкусный, чуть зачерствевший за день, он крошился в пальцах и вставал поперёк горла.

Завтра надо купить что-то нормальное, мелькнуло в голове. Следом пришло привычное, колючее: *если вообще будет время.*

Она выдохнула так глубоко, что на секунду опустились плечи. Эту слабость можно было позволить себе только здесь, пока никто не видел.

В паддоке её жизнь подчинялась приказам — чётким, коротким, брошенным через плечо: «Принеси», «отнеси», «не мешайся». Девочка на подхвате. Нет, хуже. Мальчик на побегушках, потому что так оказалось проще, безопаснее и, как бы мерзко это ни звучало, полезнее.

Всё началось случайно. Сначала кто-то окликнул её «парень», потом другой сказал «малой», третий спросил у Роберта, чей это мальчишка таскает коробки возле гаража. Джеки тогда открыла рот, чтобы исправить, но Роберт бросил на неё быстрый взгляд, ясно говорящий: «молчать», — и ответил за неё.

Они сами сделали вывод. Ей оставалось только не мешать им ошибаться. Оказалось, так проще. В этом мире худому парню на побегушках позволяли быть незаметным, раздражающим, полезным и иногда даже дерзким. Девушке на его месте начали бы задавать вопросы, смотреть дольше, улыбаться иначе и быстрее указывать на дверь. Поэтому Джеки выбрала остаться в роли, которую ей случайно дали.

Она бы отдала многое за возможность прикоснуться к машине не дрожащими пальцами уборщицы, протирающей пыль вокруг святыни, а уверенными руками человека. Но ей не давали. Болид берегли от лишних рук, а её саму — от малейшей возможности проявить себя. Здесь, в мире моторов, где всё решали рёв двигателей, деньги, связи и мужская уверенность в собственном праве, девушке позволялось слишком мало.

Иногда ей хотелось крикнуть им прямо в лица: «Да дайте же мне шанс!» Но она поправляла кепку ниже, опускала голос на полтона и шла за очередным стаканчиком кофе.

Джеки знала: её время ещё придёт. Должно прийти. Иначе ради чего всё это?

Формальных правил, запрещающих женщинам выступать в Формуле-1, не существовало. На бумаге всё выглядело почти честно. На деле путь закрывался гораздо раньше. Деньгами, спонсорами, контрактами, чужим недоверием и снисходительными улыбками тех, кто даже не считал себя жестоким.

Самое жестокое в этом спорте — не трасса и не скорость, а деньги. Здесь решали бюджеты, фамилии, связи, люди в дорогих костюмах и логотипы на бортах машин. Без спонсорства путь на стартовую решётку закрывался так же надёжно, как ворота паддока перед человеком без пропуска.

Иногда Джеки думала, что слишком жадна для такой мечты. Что требует от судьбы больше, чем заслуживает. Если смотреть правде в глаза, сама возможность находиться здесь уже была чудом.

После того как отец оказался прикован к инвалидному креслу, многое в их жизни сломалось не сразу. Сначала незаметная трещина, потом скрип, потом осознание, что прежней прочности больше нет. Он всё ещё был её отцом, но запертым в собственном теле, которое больше ему не подчинялось.

Роберт, родной брат отца, взял её к себе не из нежности. Скорее из обязанности, которую долго откладывал и наконец признал неизбежной. Он дал ей крышу над головой и позволил прикоснуться к миру Формулы-1.

— Джеки! — крикнули из-под навеса. — Ты узнал, привезли ли тормозные колодки?

Она запихнула хлеб обратно в пакет, хотя кусок всё ещё стоял в горле, и поднялась. Механик вытирал руки о замасленную тряпку.

— Проверю прямо сейчас, — ответила она.

Голос прозвучал ровно, чуть ниже, чем обычно. Долгие уроки перед зеркалом научили её той маленькой мере хрипотцы, при которой люди не оборачивались на сладкий голос.

— Только бегом, — махнул он рукой. — Нам сюрпризы не нужны.

Джеки кивнула и направилась к складу, стараясь не выдать лишнего. Каждый её шаг был отточенным движением человека, который слишком долго учился быть кем-то другим.

— И смотри, какие! — крикнул механик ей вслед. — Карбоновые. Комплект B.

— Да-да, я понял! — ответила она, не оборачиваясь.

За поворотом бетонный проход уходил вдоль технических контейнеров. Джеки ускорилась, прижимая кепку к голове.

Комплект B. Карбоновые.

Если их не привезли, виноватой всё равно сделают её. Вернее, виноватым сделают Джеки — того самого худого мальчишку. Не логистику, не поставщика, не того, кто должен был проверить всё утром. А её.

На таких всегда удобно рявкнуть. Всем сразу становится легче.

У контейнера с запасными деталями толпились двое сотрудников соседней команды. Один смеялся, другой держал под мышкой планшет и что-то доказывал с лицом человека, которому доверили спасение цивилизации. Джеки проскользнула мимо них, толкнула дверь плечом и вошла.

За стойкой сидел Барни, кладовщик с красными веками и вечной привычкой жевать зубочистку. Он поднял на неё глаза не сразу.

— Мне нужны тормозные колодки для Luminor. Карбоновые, комплект B, — быстро протараторила она.

Барни лениво перевернул страницу в журнале.

— Всем что-нибудь нужно.

— Нам сейчас.

— Все говорят «сейчас».

Она положила ладонь на край стойки. Не слишком резко. Мальчишке на побегушках безопаснее было казаться наглым, чем отчаянным.

— Барни, у нас машина на подготовке. Оуэн ждёт.

Имя сработало. Барни наконец посмотрел на неё.

— Оуэн всегда ждёт так, словно его лично предал Господь.

— Значит, ты понимаешь масштаб.

Он фыркнул и потянулся к компьютеру.

— Комплект B задержан. Груз ещё не пришёл.

Она кивнула, словно услышала обычную информацию, только пальцы сжали край стола.

— Когда будет?

— В лучшем случае к вечеру.

— Нам нужен сейчас.

— Ты мне это уже сказал.

Ответ уже был готов, но она оставила его за зубами.

Снаружи снова прошёл низкий удар звука. Болид выкатывали из соседнего бокса. Джеки слышала, как кто-то крикнул: «Осторожно с передним!» Потом короткий смех, потом мат.

— У вас должен быть старый комплект, — сказала она. — Из прошлой поставки. Маркировка B-17. Он лежал здесь после тестов.

Барни перестал жевать зубочистку.

— Откуда ты знаешь?

— Видел.

— Значит, ты видишь больше, чем должен.

— Потому что мне часто говорят таскать коробки.

Он усмехнулся так, как взрослые мужчины усмехались мальчишкам, которые слишком старались казаться полезными.

— B-17 им не подойдёт на гонку.

— На гонку — нет. На прогрев и проверку системы хватит. Они не новые, но состав тот же. Износ по краю, центральная часть живая. Я видел, когда их списывали.

Барни молча смотрел на неё.

Джеки поняла, что сказала слишком много. Такие, как она, не должны были разбираться в маркировках, замечать износ и понимать разницу между «не годится» и «можно использовать, пока ждём поставку». Такие, как она, должны были бегать.

Он ещё секунду держал паузу, потом поднялся.

— Стой здесь.

Пока Барни копался в глубине контейнера, Джеки смотрела на свои пальцы. Под ногтями въелась чёрная пыль, на костяшке засохла тонкая царапина. Руки были не женские и не мужские, а рабочие. Её это устраивало. Руки не предавали так быстро, как голос.

Барни вернулся с серым ящиком и поставил его на стойку.

— B-17. Две пары. Я тебе ничего не давал, понял?

— Понял.

Она потянулась к ящику, но он не отпустил.

— И если Оуэн начнёт орать про свои колодки, ты не видел меня и не слышал меня. И вообще, я родился сегодня утром, и ты не знаешь, как я выгляжу.

— Барни, если Оуэн начнёт орать, я забуду собственное имя.

Он хмыкнул и наконец отпустил ящик.

Вес потянул плечи вниз, но Джеки только удобнее перехватила его и пошла к выходу.

До гаража она добралась с онемевшими руками. На последнем повороте ящик едва не выскользнул, и Джеки ударилась плечом о стойку с шинами. Удар отдался в ключицу, но она только перехватила ящик удобнее и пошла дальше.

В боксе Luminor Motors было жарко.

Здесь всегда казалось, что воздух разрезан на задачи. Одни люди катили тележки, другие склонялись над ноутбуками, третьи стояли у машины. Над всем этим висел голос инженера из радио — ровный, сухой, почти лишённый человеческого тепла.

— Температура передних падает быстрее, чем ожидали. Проверьте ещё раз правую сторону.

У носа болида стоял Оуэн.

Для Джеки он был каменной стеной и испытанием. Иногда она боялась просто подойти к нему без дела.

Она осторожно поставила ящик на пол. Шум снова поглотил гараж. Щёлкали пневматические пистолеты. Кто-то ругался над тележкой с инструментами. Из глубины бокса доно-

сился ровный голос инженера по радио, диктующий цифры телеметрии. Всё вернулось к привычному ритму.

— Где ты был? — спросил Оуэн.

— На складе. Новых нет. Задержка до вечера.

— Я это и без тебя знаю. Я спросил, где ты был так долго.

Первый ответ уже был на языке: *потому что добывала то, что вы сами забыли проверить.*

Вместо этого открыла ящик.

— B-17. Старый комплект. Состав тот же. Для прогрева и системы подойдёт.

Один из механиков рядом прыснул.

— Малой у нас уже решения принимает.

Кто-то усмехнулся. Кто-то даже не повернул головы. В гараже насмешки не требовали зрителей: они работали сами по себе, как вентиляция.

Оуэн взял одну колодку, осмотрел край, провёл большим пальцем по поверхности. Его лицо не изменилось.

— Кто дал?

— Барни.

— Барни — идиот.

— Он просил передать, что родился сегодня утром.

Оуэн поднял глаза.

Джеки поняла, что сказала это зря. Шутка сорвалась быстрее, чем она успела спрятать себя обратно. Несколько человек рядом всё-таки засмеялись. Оуэн не засмеялся.

— Поставьте на проверку. Только на проверку. Если она начнёт плыть по температуре, я первым делом найду тебя.

— Эм… ладно.

— Не стой столбом. Помогай.

Её руки быстро потянулись к перчаткам. Пальцы плохо попали в ткань, пришлось дёрнуть ещё раз. Один из механиков, рыжий Том с вечным пятном смазки на подбородке, бросил ей:

— Держи фонарь. И не свети мне в глаз, гений.

Работа началась без торжественности. Никто не сказал, что она молодец.

Команда Luminor Motors считалась одной из самых молодых в паддоке. Формально она принадлежала канадскому инвестору, но её база находилась в Великобритании, в самом сердце Motorsport Valley.

Команда редко зарабатывала очки, подиумы оставались мечтой, а победы существовали в основном в разговорах о будущем. Но, в отличие от многих других команд-аутсайдеров, она умела быть живой. В ней было что-то упрямое, нелепое и почти обаятельное.

Во главе стоял Рик Слоан — человек, который мог превратить даже провал коробки передач в повод улыбнуться перед камерой.

Журналисты его обожали. Фанаты давно превратили Рика почти в мем. Его фразы расходились по социальным сетям, а интервью цитировали даже те, кто не особенно следил за чемпионатом.

Как-то он сказал: «Мы, может, и последние на трассе, но первые в сердцах болельщиков».

Эта фраза стала негласным девизом Luminor Motors.

Сам Рик к насмешкам относился спокойно. Какая разница, что о нём пишут, если у команды ещё есть бюджет, механики получают зарплату, а машина каждый раз снова выкатывается из гаража?

Однажды Джеки видела, как двое механиков едва не подрались прямо возле тележек с инструментами. Вместо того чтобы накричать на них, Рик молча заказал огромную пиццу, поставил коробку между ними и сказал:

— Парни, лучше руками тесто рвите, чем друг друга. Машинам и так достаётся.

Ссора закончилась смехом. И все ещё раз вспомнили, почему при всех провалах Luminor они всё равно остаются здесь.

Дядя Джеки, Роберт Адамс, был человеком другого склада.

В паддоке его уважали. Роберт был хорошим инженером, умел вести пилотов по радио, точно рассчитывал стратегию и редко ошибался в технических решениях. Он мог просчитать гонку до мельчайших деталей, заранее увидеть риск, вовремя изменить план, сделать холодный вывод там, где другие начинали потеть. Но человеком он был сложнее.

Эгоцентричный, самолюбивый, холодный. В общении Роберт мог быть обаятельным, но за этим почти всегда чувствовался расчёт. Чувства других людей интересовали его значительно меньше, чем статус, карьера и ощущение собственной значимости.

Когда отец Джеки оказался в инвалидном кресле и уже не мог дать ей прежнюю опору, рядом остался только Роберт. Он не спешил становиться спасителем. Первым делом предложил устроить племянницу где «ей будет лучше и спокойнее», но лучше и спокойнее становилось почему-то всем, кроме самой Джеки.

Позже он всё-таки взял её к себе. Не из тепла, не из нежности, а почти вынужденно. Первые годы их совместной жизни стали испытанием для обоих. Для Роберта племянница была скорее обязанностью, чем близким человеком. Он видел в ней нагрузку, дополнительную ответственность, которая мешала его привычной жизни. Любая помощь с его стороны сопровождалась напоминанием:

— Благодаря мне ты работаешь там, где другие могут только мечтать.

Для Джеки он был не опорой, а человеком, перед которым постоянно приходилось оправдываться за собственное существование. Рядом с дядей она чувствовала себя не племянницей, а нежеланной соседкой, которой разрешили пользоваться кухней, но каждый раз напоминали, кто оплатил дом. И всё же именно он держал для неё дверь в этот мир приоткрытой.

— Фонарь выше, — буркнул Том.

Луч света съехал с нужной точки и упёрся в край диска.

— Выше, сказал же! Ты что, заснул?

— Нет, прости.

— Ну вот и не спи.

Рик Слоан появился, когда спор уже почти закончился.

Его приход всегда был похож на маленькое представление, даже если он просто заходил в гараж. Ярко-синий костюм под командной курткой, белоснежная улыбка, волосы уложены так тщательно, что ветер, казалось, обязан был согласовывать с ним направление. За ним тянулись двое журналистов и оператор с камерой.

— Господа, скажите мне, что у нас всё под контролем, — произнёс Рик.

Оуэн даже не повернулся.

— У нас под контролем только пожарные выходы.

Журналисты засмеялись. Рик тоже. Он предпочитал первым смеяться над собой, если чувствовал, что это собираются сделать другие.

— Вот за это я и люблю свою команду. Честность, боль и механики с лицами древних пастырей.

— Рик, — требовательно сказал Роберт, — камеры лучше вывести. У нас рабочий момент.

— У нас всегда рабочий момент, Роберт. Даже когда мы последние.

Оператор уже снимал болид, людей у машины, Оуэна, который всем своим видом показывал, что готов лично выгнать всех вместе с камерой. Джеки инстинктивно шагнула назад, в тень стойки с инструментами. Камеры были опаснее механиков. Механики видели то, что им нужно. Камера могла увидеть лишнее.

Через несколько минут в гараж вошёл пилот Лукас Лайтнер.

— Моя машинка готова? — спросил он. На его лице играла широкая улыбка, пока пальцы затягивали молнию на комбинезоне.

— Это мы у тебя хотели спросить, — не оборачиваясь, буркнул Оуэн.

Кто-то тихо кашлянул, пряча смешок.

— Оуэн, я сегодня как стекло. Мне нужно, чтобы ты в меня поверил.

— Стекло бьётся.

Лукас театрально приложил руку к груди.

— Сколько боли в одном старом механике.

Он прошёл ближе к машине. На Джеки даже не посмотрел. Люди вроде него редко смотрели на тех, кто держит фонарь. Она не обижалась.

Лукас провёл пальцами по носу болида.

— Что с тормозами?

— Ждём новый комплект, — сказал Том. — Пока проверяем старый.

— Прекрасно. Я люблю винтаж.

Оуэн бросил на него такой взгляд, что даже Лукас на секунду перестал улыбаться.

— Сегодня без цирка. Нам нужны круги, а не ещё один счёт за карбон.

— Я скучал по твоей нежности.

— Скучай молча.

Лукас рассмеялся и отошёл к инженерам. Джеки поймала себя на том, что смотрит ему вслед. Не потому, что он был красивым. Красивых в паддоке было достаточно, особенно среди тех, кто привык видеть своё лицо на экранах. В Лукасе её раздражало другое. Ему давали машину, а он относился к этому как к праву. Как к погоде. Как к тому, что просто существует. Если бы ей дали хотя бы один круг, она бы запомнила каждый миллиметр трассы кожей.

— Фонарь, — резко сказал Том.

Она быстро вернула свет туда, куда нужно, не давая Тому второго повода рявкнуть.

— Не пялься так на него. Он и сам на себя достаточно смотрит.

У дальней стены второй пилот Милош Вуич сидел на складном стуле и застёгивал перчатки. В отличие от Лукаса, он не занимал воздух. Перед ним стоял инженер с планшетом и показывал график.

До конца сессии новый комплект так и не привезли. Luminor потеряла часть времени, Лукас ругался на ограничения по сессии, Оуэн ругался на Лукаса, Рик дал интервью о «сложном, но многообещающем дне».

Она выполняла поручения молча. Носила кабели, подписывала мелкие накладные, держала тележку, пока Том закреплял ящики. Один раз Оуэн бросил ей:

— Завтра к восьми. Не опаздывай.

Она кивнула.

— Понял, буду.

На улице было темно. Над трассой горели огни. Где-то далеко ещё ревела машина — поздняя проверка, чей-то шанс, чей-то бюджет, чья-то уверенность в завтрашнем дне.

Джеки достала из кармана бумажный пакет. Хлеб внутри окончательно раскрошился. Она взглянула на него и вдруг тихо рассмеялась без радости. Видимо, так тело спаслось от лишнего крика.

Завтра купить что-то нормальное, снова подумала она.

Джеки поднялась к пустой части трибун и остановилась там, откуда была видна трасса. Белые линии лежали на асфальте, как старые шрамы на теле трассы. Стартовая прямая уходила вперёд ровно и далеко. Солнце давно скрылось за горизонтом, уступив место фиолетовым сумеркам. Где-то внизу выключили последний двигатель.

Её отец часто говорил: *машина станет частью тебя, если научишься её слышать.*

Джеки слушала. Только теперь она понимала, что мало только слушать. Нужно, чтобы и тебя услышали.

ГЛАВА 2

АРЕХ

Иногда звуки паддока возвращали Джеки туда, куда она не хотела возвращаться.

В детство, где всё ещё было на месте: отец, брат, трасса, вечерний холод на трибунах и ощущение, что мир понятен, пока в нём есть мотор и руки, которые умеют его собрать.

Мать она не помнила. Джаклин родилась в ночь, когда её мать умерла, и с самого начала в их доме жило отсутствие, к которому все привыкли молча. Никто не произносил это вслух слишком часто. Никто не ставил на стол лишнюю чашку. Никто не плакал при детях. Просто было пустое место, и все делали вид, что неплохо умеют с ним жить.

Самым близким человеком для Джаклин с детства был Джек — брат, всего на год старше её. Они росли как одногодки. Дрались, мирились, натягивали на себя одно одеяло, делили еду, тайны и одно счастливое детство на двоих.

Отец звал её Джеки. Её брат иногда злился, что их имена так похожи, но всё равно первым кричал через двор:

— Джеки, быстрее! Папа уже заводит машину!

Отца звали Эдвард.

Когда-то он сам пытался пробиться в гонки, но до большого спорта не добрался. Травма перечеркнула карьеру слишком рано. После этого он не ушёл из автоспорта, просто оказался по другую сторону. Чинил машины в клубных гаражах, ездил с небольшими командами на местные серии, брался за всё, что приносило деньги и позволяло оставаться рядом с трассой.

Деньги были неровные. Жизнь тоже. Но в доме никогда не было ощущения бедности. Было другое: радость, запах мазута на ладонях отца, поздние ужины, старые куртки, вечные разговоры о машинах и чувство, что они держатся друг за друга крепче, чем многие семьи, которым повезло больше.

Эдвард редко оставлял детей дома. Так что Джек и Джаклин росли там, где другие бывали только по особым случаям. Они знали, как звучит трещотка в руках механика, как пахнут тормоза после сессии, как быстро меняется лицо взрослого мужчины, когда на табло появляется хорошее время.

Пожалуй, машины он знал лучше всего на свете. Он показывал детям, как устроен мотор, рисовал на салфетках схемы подвески, доставал из карманов болты, шайбы, маленькие сломанные детали и превращал их в сокровища.

По вечерам они сидели на старых покрышках у ограждения и смотрели, как машины уходят в поворот. Джек обычно задавал вопросы: *почему машину срывает задней осью, зачем менять передаточное число, что даёт другая геометрия.* Джаклин чаще молчала и просто смотрела. Ей было важнее не понять, а почувствовать.

Очень рано стало ясно, что дети у Эдварда разные.

Джек любил машины правильно — спокойно, внимательно, почти бережно. Он мог часами копаться в чертежах, помнить цифры, замечать то, что другие упускали. Но когда дело доходило до скорости, в нём что-то сжималось. Он не боялся громких звуков или самой техники. Он боялся момента, когда нужно перестать контролировать всё до конца и довериться машине, трассе, телу.

На прямых он ехал хорошо. Перед поворотами осторожничал. Тормозил чуть раньше, чем нужно. Открывал газ чуть позже. Эдвард видел это и каждый раз злился не столько на сына, сколько на собственное бессилие.

— Не думай, — говорил он. — Чувствуй.

Но Джек как раз думал. Слишком много.

Джаклин, наоборот, рвалась за руль так, словно её туда тянуло чем-то сильнее здравого смысла. Она была смелее, быстрее, упрямее. Если карт подпрыгивал на поребрике и её вжимало плечом в сиденье, она только зло сжимала зубы и ехала дальше. Если ошибалась в траектории, хотела тут же выйти ещё раз. Если падала, поднималась раньше, чем кто-то успевал испугаться.

Талант дочери не радовал его открыто. Он настораживал. Поэтому отец продолжал вкладываться в сына.

Однажды вечером, когда клубный трек уже пустел, Джек снова неудачно провёл сессию. Срывался в медленных поворотах, сбрасывал там, где нужно было терпеть, и после последнего круга вылез из карта злой, с белым лицом.

— Я не могу, когда ты стоишь и смотришь, — бросил он отцу.

Шлем полетел на асфальт. Эдвард хотел пойти за ним, но на секунду отвлёкся, и этой секунды Джаклин хватило. Она схватила шлем брата, натянула его на голову и юркнула в карт.

Механик у дальнего бокса что-то крикнул. Отец развернулся, но она уже сорвалась с места. Эдвард не окликнул её. Только подошёл к ограждению и замер.

Джаклин не ехала аккуратно, как ребёнок, которому дали редкий шанс. Она ехала так, будто машина наконец попала туда, где ей и положено быть. Без суеты. Без лишних движений. Короткий поворот руля, ранний вход, уверенный выход на газ. На втором круге она уже не пробовала трассу — работала с ней.

Когда карт пролетел мимо боксов, Джаклин повернула голову и, не сбавляя скорости, подняла руку, помахав ему.

Джек мог вырасти умным, сильным, нужным человеком. Мог стать инженером, аналитиком, тем, кто понимает гонку глубже многих. Но водителем в их семье был не он.

Водителем была Джаклин.

Ей было четырнадцать, Джеку — пятнадцать, когда Эдвард всё ещё не прекращал попыток.

В тот день у них была закрытая тренировка на клубном автодроме. Уже не картинг, а первая серьёзная машина для юниорских тестов. Облегчённый хэтчбек с каркасом, жёсткой подвеской и вторым комплектом педалей со стороны инструктора. Машина была старая, но хорошо подготовленная. Эдвард знал её до последнего болта и потому решил сесть справа вместе с сыном.

Погода с утра была переменчивой. Дождь прошёл быстро, солнце подсушило асфальт, но в тени поворотов ещё оставались тёмные влажные пятна.

Джек нервничал. Это было видно по тому, как он затягивал ремни, как дольше обычного поправлял перчатки, как старательно не смотрел отцу в глаза. Эдвард, наоборот, был собран и почти спокоен.

— Не геройствуй, — сказал он перед выездом. — Просто доедь чисто.

Джаклин стояла у ограждения, обхватив пальцами холодную сетку. Она знала эту машину. Знала, как отец её настраивал, как ругался на поведение задней части, как поздно ночью перепроверял тормоза.

Первые круги прошли ровно. Машина ныряла в повороты, чуть кренилась, выстреливала на короткие прямые. Эдвард что-то показывал рукой, Джек кивал. Со стороны всё выглядело хорошо.

На четвёртом круге машина пошла быстрее. На выходе из длинного правого поворота заднюю ось повело. Не сильно. Сначала даже привычно.

Джек испугался и инстинктивно дёрнул рулём раньше, чем нужно. Левые колёса зацепили мокрый край поребрика. Машину поставило боком, потом развернуло и с силой бросило в бетонное ограждение.

Удар был таким, что Джаклин не сразу поняла, что слышит. Сначала короткий металлический хлопок, потом второй — тяжелее. Капот смяло. Машину развернуло ещё раз. Из-под днища брызнули искры.

Кто-то уже бежал. Кто-то кричал. Над трассой с опозданием взвыла сирена.

Джаклин не двинулась. Не могла. Она стояла, вцепившись в сетку, и смотрела на дым над разбитой машиной. На маршалов в ярких жилетах. На дверь, которую не могли открыть с первого раза.

Потом были больница, операции, бессонные ночи, автоматы с горьким кофе и взрослые лица, которые становились слишком серьёзными, когда видели её в коридоре.

Джек умер через несколько дней, не приходя в сознание.

Эдвард выжил. Ему собирали кости, останавливали внутренние кровотечения, вытаскивали с того края, откуда обычно не возвращаются. После аварии он уже не встал с инвалидной коляски и полностью потерял способность двигаться. Ему оставалось лишь чувствовать и отвечать миру взмахом ресниц.

В четырнадцать лет Джаклин осталась без брата и почти без отца.

Жизнь после этого не обрушилась сразу. Она распалась медленно.

Сначала её забрали соцслужбы. Потом начались чужие дома, чужие кухни, чужие правила, которые приходилось запоминать с первого дня, чтобы не слышать за спиной усталое: «С ней трудно».

Джаклин нигде не задерживалась надолго. Не потому, что устраивала сцены. Просто в ней было слишком много того, что нельзя поставить в угол вместе с обувью и школьным рюкзаком.

Она ходила в школу, делала домашние задания, отвечала у доски, сидела на дальних партах и почти не разговаривала. Вокруг неё жили нормальной подростковой жизнью. Спорили из-за музыки, влюблялись, смеялись, планировали лето. Джаклин смотрела на них как человек, который пришёл не на тот фильм и слишком вежлив, чтобы встать и уйти.

Единственным местом, где она по-настоящему оживала, оставалась больница.

Она приходила к отцу так часто, как только могла. Училась читать его лицо по малейшим изменениям. Училась врать спокойно.

О гонках она больше не говорила.

Сначала потому, что было больно. Потом потому, что это стало похоже на запрет. Джаклин сама отрезала себя от всего, что напоминало трассу. Не включала трансляции, не рисовала машины в тетрадях, не задерживалась у витрин с моделькими. Если слышала по телевизору знакомый рёв мотора, уходила из комнаты. Каждый раз, когда рядом громко взревывал двигатель, она на долю секунды слышала не настоящее.

Она слышала тот удар.

ГЛАВА 3

PIT

Но потом случилось оно.

Формула-1.

После бесплодных попыток найти своё место в жизни, после бесконечных подработок, которые не оставляли ни памяти, ни смысла, после унизительной работы официанткой в закусочной, где каждый день был похож на вытертую витрину, что-то наконец сдвинулось.

Роберт, после развода вдруг вспомнивший, что у него есть племянница, однажды сказал, как бы между прочим:

— Поехали. Покажу кое-что.

Она не стала спрашивать, куда. Ей давно уже было всё равно, куда ехать, если это хотя бы на день вырывает из собственной пустоты. Но стоило машине остановиться на парковке, она услышала звук. Сначала низкий, далёкий, почти подземный гул. Потом ближе, резче. Потом он накрыл её целиком.

Она подбежала к ограждению, не замечая сотен людей вокруг.

На трассе шла квалификация. Болиды вырывались на прямую один за другим — алые, серебристые, синие, ослепительно быстрые. Они не ехали, а прорезали пространство, будто земле было тесно держать такую скорость. Воздух дрожал, табло вспыхивали секторами, шум бил в виски, и вместе с этим шумом в ней просыпалось то, что, как ей казалось, давно умерло.

Не воспоминание даже. Любовь.

Первая и самая старая — та, что родилась ещё на картодроме, рядом с отцом и братом, среди запаха бензина, старых шин и нагретого металла.

Она смотрела, как один болид ныряет в поворот, как другой выезжает из боксов, как механики следят за таймингом, и сердце билось так, словно не машины шли на круг, а сама жизнь вдруг вернулась за ней.

Джеки ещё не знала, что в Формуле-1 нет ничего случайного. Здесь всё держалось на иерархии, допусках, протоколах, коротких приказах и людях, слишком занятых, чтобы всматриваться в лишние лица. Но именно это потом и сыграло ей на руку.

Первые разы Роберт просто брал её с собой. С гостевым пропуском, с предупреждением не путаться под ногами и не лезть туда, куда не звали. Потом начал оставлять возле себя, поручая мелочи: принести воду, отнести пакет в гостевую зону, сбегать за распечатками, передать ключи, дождаться курьера у сервисного входа.

Работой это нельзя было назвать. Просто беготня на подхвате. Но для Джаклин это уже было чудом. Она снова жила рядом с машинами, слышала их, дышала ими, а через несколько месяцев Роберт оформил её на временную должность помощника логистической группы и выдал технический пропуск.

Незадолго до этого она, в приступе подросткового упрямства, сама подстригла себе волосы. Получилось плохо: неровно, рвано, местами почти смешно. Она спрятала всё под кепкой, натянула мешковатую футболку, широкую куртку, старые джинсы — и стала похожа не на девушку, а на худого угловатого мальчишку, которому ещё рано покупать взрослую одежду.

В паддоке этого оказалось достаточно.

Там и без неё всё происходило слишком быстро. Люди смотрели не в лица, а в бейджи, списки, часы, машины. Никто не имел привычки останавливаться и разглядывать подростка, который бегает от моторхоума к гаражу с коробками, стаканами и бумажками.

— Эй, парень, отнеси это к четвёртому боксу.

— Мелкий, где мой кофе?

— Слушай, ты у Ника не видел набор шестигранников?

Сначала она не понимала, что обращаются к ней. Потом поняла — и не стала никого поправлять.

Роберт заметил это почти сразу. Несколько дней молчал, присматривался, а потом, когда они стояли за моторхоумом, в стороне от шума, сказал спокойно:

— Хочешь задержаться здесь дольше, чем на пару уик-эндов?

Она кивнула слишком быстро.

— Тогда запомни. Никто не пустит тебя внутрь по-настоящему только потому, что ты любишь машины. Здесь и своим-то не особо верят, а девчонке твоего возраста тем более. Будут смотреть, улыбаться, просить не мешать и отправлять подальше. Но если видят в тебе пацана на побегушках, это для них безопасно.

Он говорил без жестокости, почти сухо, как говорят о погоде или рабочем графике.

— Только не путай одно с другим, — добавил он. — Это не билет наверх. Здесь каждый знает своё место. Твоя работа — принести, унести, молчать, смотреть, запоминать. Всё.

Ей и правда было всё равно, кем её считают: племянником, мальчишкой, просто тенью возле дяди. Главное — оставаться здесь, слышать этот рёв, видеть, как люди живут скоростью так, будто за пределами трассы ничего настоящего нет.

Своё полное имя она почти не слышала. По воле отца Джаклин сократилось до ласкового Джеки, и пусть большинство вокруг твердило, что такое сокращение больше смахивает на собачью кличку, ей оно всегда было по душе. Полное имя казалось чересчур торжественным, словно выходное платье, в котором неловко бегать по лужам.

В гаражах никто особенно не вглядывался в худого «племянника», который вовремя приносил то, что попросили, и не задавал лишних вопросов. А она не спорила. Это стало первым пропуском в мир, где для женщин всегда находилось место рядом, но редко — внутри.

— Слышал? В академии опять девчонок тестируют, — сказал один из механиков, ковыряясь в планшете.

— И что?

— Да ничего. Пару фоток для прессы сделают и забудут.

Мужчины коротко засмеялись.

— Ну да, Формула-1 — не место для девчонок. Тут не картинг.

Джеки молча прошла мимо, сильнее сжав коробку с деталями, потому что хуже слова «невозможно» была только уверенность, с которой люди произносили подобные слова.

Она всё ещё была новичком в этом шумном, сверкающем мире, но уже научилась не путаться под ногами. В день гонки один из координаторов сунул ей в руки пакет с диетическим напитком и несколько гостевых пропусков.

— В гостевую зону. Бегом.

Она бросилась выполнять приказ, практически не разбирая дороги.

На крутом изломе между сервисным коридором и шумным паддоком её кроссовок намертво зацепился за толстый силовой кабель. Совсем чуть-чуть, но этого хватило с лихвой. Пакет в руках опасно качнулся, пластиковые пропуска выскользнули из онемевших пальцев, а жестяная банка с энергетиком с глухим стуком впечаталась в край металлического столба. Половина липкого содержимого с шипением плеснула наружу, пачкая ткань.

В следующую секунду прямо перед ней выросла монументальная фигура.

Мужчина в темных очках, с прижатым к уху телефоном. От него исходило такое абсолютное, монументальное спокойствие, что Джеки на секунду стало дико стыдно — не за само столкновение, а за свою суетливую, глупую возню. Пропуска веером разлетелись по бетонному

полу. Мужчина опустил взгляд: сначала на темное липкое пятно на её штанах, затем на дурацкую кепку, слишком широкую куртку и выцветшую футболку под расстегнутой молнией.

Он поднял глаза. В этом взгляде поверх темных стекол не было ни капли раздражения, ни злости, ни ленивого презрения, с которым сильные мира сего обычно встречают чужую неловкость. Скорее — живая, быстрая, едва уловимая насмешка.

— Смело, — обронил он, и его низкий баритон перекрыл гул моторов. — Обычно в мой поворот входят аккуратнее, девочка.

Джеки узнала его мгновенно. Раньше, чем парализованный мозг успел сложить буквы в имя. Сердце ударило под рёбра так резко и оглушительно, что ей показалось, будто этот стук сейчас услышат все вокруг.

Перед ней стоял Йен Кристиан Эшфорд.

Не с экрана плазмы. Живой. Настоящий. Осязаемый. На расстоянии вытянутой руки.

Она подняла глаза беспомощно, почти обреченно, и тут же трусливо опустила их обратно. Щёки полыхнули огнем, в горле моментально пересохло, а мысли рассыпались по полу вместе с пластиковыми карточками.

— Простите… я не смотрел под ноги, — выдавила она, люто ненавидя себя за этот предательски дрогнувший, жалкий голос.

Йен скользнул взглядом по пропускам у своих ног, по её стиснутым пальцам, а затем снова зафиксировал внимание на потертом принте.

— «All Eyez on Me»? — произнёс он, чуть склонив голову набок. — Неплохо. Музыкальный вкус у тебя лучше, чем траектория.

Джеки не сразу догнала, о чём он говорит. Потом машинально посмотрела на свою грудь, и волна стыда накрыла её с головой, став ещё горячее.

— Это… это старая футболка, — сморозила она глупость, окончательно теряя остатки самообладания.

— Лучшие вещи обычно старые, — спокойно, без тени рисовки ответил он. — Музыка, трассы и даже наши ошибки.

И, не делая из этого снисходительного одолжения, он легко наклонился и сам поднял несколько карточек, улетевших к его кроссовкам. Весь фоновый шум паддока в это мгновение отступил, смазался в невнятный гул. Мир сузился до размеров этих пластиковых пропусков, темного пятна на штанах, её сбившегося дыхания и его рук — слишком спокойных, слишком уверенных для её бешено колотящегося сердца.

Он выпрямился и протянул ей пропуска. Их пальцы соприкоснулись лишь на микросекунду, но Джеки показалось, что её прошибло током.

— Спасибо, — промямлила она, пятясь.

— Значит, с тормозами у нас обоих отношения напряженные, да?

Уголок его губ едва заметно дернулся вверх — не полноценная улыбка, лишь её мимолетная тень, но для Джеки она почему-то показалась странно, обжигающе теплой. Затем Йен поправил очки и пошел дальше своей уверенной походкой. Быстро. Словно ничего не случилось. Словно он не перевернул только что весь её внутренний мир верх дном.

Секундой позже она услышала за спиной громкий голос менеджера:

— Йен, через десять минут ждем на медиа-выходе!

Эшфорд. Йен. Это был точно он. Главная звезда Titanium Racing.

Джеки ещё несколько секунд стояла на месте как вкопанная. С пропусками в кулаке, мокрым пятном на бедре и ужасным, унизительным ощущением того, что она дурацки, счастливо улыбается. Весь остаток дня она думала о нем с каким-то мазохистским, глупым упрямством — не головой даже, а чем-то горячим и ноющим прямо под рёбрами. И вспоминала она вовсе не того безупречного Эшфорда с глянцевых экранов. Не великого чемпиона и не смазливое лицо из интернета, которое знали миллионы. А человека, который не рассердился. Который не

отмахнулся от нее, как от назойливого насекомого, и не посмотрел поверх головы. Он заметил её старую шмотку с Тупаком и сказал про музыку и трассы так, будто между ними — даже смешно подумать — могло быть хоть что-то общее. А потом началась гонка. Обычно Джеки от первой до последней секунды следила исключительно за своей командой, но в тот день её взгляд впервые нагло ослушался профессионального долга. На мониторах тайминга она искала только один болид, один бортовой номер, одно-единственное имя, вспыхивавшее среди строк.

Никогда прежде она не болела за постороннего человека так, словно от его круга зависел весь смысл её собственного существования. И он выиграл.

Толпа взорвалась, табло подтвердило победу, команда рванулась к ограждению, дикторы заговорили громче. Для всех вокруг это был триумф пилота, машины, стратегии, точности, таланта. Для неё — что-то совсем другое, слишком личное, почти постыдное в своей внезапности.

Стоя в тени среди чужих людей, Джеки поймала себя на том, что весь день ждала не результата гонки, а его имени наверху таблицы.

Тогда ей ещё казалось, что это просто первая влюблённость семнадцатилетней девочки — наивная, неловкая, обречённая пройти. Что всё погаснет так же быстро, как вспыхнуло. Что всё останется прежним, если просто переждать.

ГЛАВА 4

POLE

Двадцать четыре гонки в году, пять континентов, сотни перелётов, бесконечные ящики с оборудованием, моторхоумы, брифинги, камеры, контракты, люди с гарнитурами и лица пилотов, которые привыкли, что на них смотрят.

Снаружи это выглядело как вершина мирового автоспорта. Изнутри — как империя, где правили деньги, связи и скорость, причём скорость была самой честной из трёх. Деньги открывали двери. Связи удерживали тебя внутри. Скорость хотя бы требовала доказательств.

Пилот был лицом команды, но за ним всегда стояли те, кого почти не показывали в кадре: инженеры, стратеги, механики, аналитики, логисты. Один следил за телеметрией, другой — за шинами, третий считал окно для пит-стопа, четвёртый отвечал за выпуск машины, а пятый принимал решение, которое никто не успеет переспросить, когда счёт уже идёт на секунды. И если где-то в этой цепи один человек ошибался, расплачиваться приходилось не ему одному.

Великолепие этого мира всегда было оплачено чьим-то трудом, чьим-то терпением, чьей-то безмолвной жертвой. Наверное, поэтому Формула-1 так легко превращалась в мечту. Для одних — о победе. Для других — о славе. Для третьих — о людях, которые живут на пределе и всё равно снова выходят на старт. В этом мире было слишком много риска, слишком много денег, слишком много мужской власти, и всё же в нём оставалось что-то почти прекрасное.

За кулисами всё было куда прозаичнее и гораздо несправедливее. Большие команды привозили на этапы целые армии специалистов. Их бюджеты позволяли иметь запас прочности почти во всех решениях и почти во всех ошибках. Маленькие команды считали не только секунды, но и лишние перелёты, лишние пропуска, лишних людей у гаража.

Поэтому после своей первой гонки в Сильверстоуне Джеки появлялась только на ближайших европейских этапах — в Бельгии, Австрии, Венгрии. И то не всегда. Иногда часть расходов брал на себя Роберт, иногда удавалось провести её как помощницу на минимальном допуске, иногда не складывалось вовсе. В Саудовскую Аравию, Японию или Сингапур её не брали никогда. Для команды это было слишком хлопотно, а для неё — слишком больно.

Она мечтала увидеть каждый Гран-при, услышать, как по-разному звучат моторы под разным небом, пройти через все эти страны вместе с чемпионатом. Но пока её мир ограничивался несколькими трассами, временными бейджами, работой на подхвате и редкими часами счастья, которые всё равно казались роскошью.

В паддоке имя Йена Эшфорда звучало слишком часто, чтобы его можно было не замечать. О нём говорили много и почти никогда спокойно. Одни называли его агрессивным, другие — вспыльчивым, высокомерным, опасным на трассе. Любая его ошибка раздувалась прессой охотнее, чем чужие победы. Газеты смаковали штрафы, романы, слухи, его выходки, а люди в паддоке пересказывали всё это с тем удовольствием, с каким обычно обсуждают тех, кто слишком заметен.

Джеки всё это слышала, но в ней эти разговоры не приживались.

Может быть, потому что зависть всегда звучит особенно громко рядом с теми, кто заметнее других. Может быть, потому что пилоты её команды и близко не видели на трассе заднего крыла его болида, а потому охотно объясняли чужой талант дурным характером. А может, потому что у неё уже был свой Йен — тот, которого она однажды увидела совсем близко. Не такой, о ком спорили в пресс-зоне.

Тот, кто не рассердился, когда она налетела на него с пропусками, кто не унизил её за пролитый напиток, не отмахнулся, не посмотрел сверху вниз. Тот, кто заметил старую футболку с Тупаком, улыбнулся и сказал, что вкус у неё лучше, чем траектория.

Для него это, скорее всего, ничего не значило. Для неё — значило слишком много.

Она сбивалась на мелочах, когда Йен проходил мимо быстро, окружённый персоналом. Для остальных это были секунды, ничем не примечательные. Для неё — маленькое событие, после которого ещё долго стучало в груди.

Когда ей исполнилось восемнадцать, Роберт вдруг сказал:

— В этом году возьму тебя на Гран-при Монако.

Он произнёс это буднично, но для Джеки эти слова прозвучали как удар молнии.

Монако не было просто этапом календаря. Это была витрина Формулы-1. Место, куда стремились даже те, кто не понимал в гонках почти ничего, но хотел оказаться рядом с этой славой.

Она вскрикнула от радости и, не удержавшись, бросилась Роберту на шею, как в далёком детстве, когда он появлялся редко, но всегда с подарками. Он явно не ожидал такой бури чувств, замер, потом неловко похлопал её по спине.

Для неё это был лучший подарок, какой только можно было придумать. В её мире не было бриллиантов, дизайнерских платьев и красивых ресторанов. В её мире существовала только трасса. И Монако было её сокровищем.

Но до Монако произошло другое событие — куда менее яркое, зато гораздо более важное.

Однажды после смены её позвала Люси.

Люси работала там, где редко появлялись камеры. Она разбирала вещи пилотов, следила за формой, забирала одежду в стирку, готовила всё к выездам и выполняла десятки незаметных поручений, без которых команда тоже начинала рассыпаться. Её вспоминали сразу, если перчатки оказывались не там, комбез не был готов вовремя или кто-то из пилотов вдруг требовал «те самые» носки за десять минут до выхода.

Она была из тех женщин, которых редко замечают, пока всё идёт хорошо.

Люси редко обращалась к Джеки напрямую, поэтому приглашение в примерочную в конце смены показалось странным.

Джеки вошла туда легко, почти весело, ожидая услышать очередное задание. Но Люси не заговорила сразу. Только посмотрела на неё пристально, слишком серьёзно, потом молча наклонилась и открыла мусорное ведро.

Внутри лежала упаковка гигиенических средств.

— Объясни, — сказала Люси тихо. — И давай без вранья. У меня и так был длинный день.

Пальцы Джеки сами сжались, прежде чем она успела приказать себе успокоиться. В эту секунду ей показалось, что сейчас рухнет всё. Мальчишеская маска, место в команде, маленькая, вымученная щель в этом мире, которую она так долго удерживала плечом, зубами, молчанием.

Она молчала, а Люси смотрела прямо, спокойно, без злости, и от этого становилось только труднее.

В конце концов Джеки рассказала. Всё подряд, некрасиво, нескладно, как получилось. Про семью, про то, как её приняли за мальчишку и как она не стала никого поправлять, про страх всё потерять, про то, что осталась здесь только потому, что вовремя промолчала, и про то, что без этого мира ей снова некуда будет идти.

Люси слушала молча. Ни разу не перебила. Только один раз устало прикрыла глаза, получив подтверждение своей догадке.

Потом голосом учительницы сказала:

— Значит, так. Во-первых, больше не оставляй за собой такие вещи. Здесь слишком много чужих глаз. Во-вторых, не таскай тяжёлое в эти дни. И в-третьих...

Она помолчала, разглядывая лицо Джеки с прищуром.

— Я тебя не сдам, не смотри на меня так. Но пойми одну вещь: если об этом узнает кто-то из операционного состава, дальше это уже будет не сплетня. Пойдут вопросы по допускам, по тому, кто ты здесь вообще такая. В маленьких командах такие вопросы любят задавать не ради справедливости. Понимаешь?

Джеки только смотрела на неё, не в силах ответить.

— Ты ведь умная девочка, — сказала Люси уже мягче. — Вот и веди себя умно. Если что, всегда можешь прийти ко мне.

Она произнесла это без тени жалости, без малейшего осуждения — с той почти канцелярской сухостью. И Джеки внезапно ощутила, как внутри, где прежде туго свернулся страх, что-то стало распрямляться.

ГЛАВА 5

DRS

Уик-энд в Монако обрушился на Джеки как слишком яркий сон, в который страшно поверить. Город сиял не для жизни, а для чужих фантазий о ней. Солнце скользило по белым фасадам, море пахло солью, топливом и деньгами, в порту покачивались яхты, огромные и безмолвные, похожие на чужие мечты, пришвартованные там, куда ей самой нельзя было даже ступить.

Монако не просто принимало Формулу-1. Оно держалось так, словно Формула-1 всегда принадлежала ему. Узкие улицы, стены слишком близко, балконы над трассой, камеры, вспышки, лица, которые Джеки прежде видела только на экранах, обложках и в чужой жизни. Репортёры выкрикивали имена, женщины в безупречных платьях двигались так, словно каждый их шаг уже был согласован с объективами, мужчины в идеально сшитых пиджаках выглядели победителями ещё до начала любой борьбы.

Джеки, переступив этот порог, на одно короткое, почти жестокое мгновение позволила себе поверить, что сказки всё-таки существуют.

Она была счастлива так, как бывают счастливы только очень юные сердца. Жадно, неосторожно, с тайным страхом, что всё это могут отобрать в любую минуту. Ловила каждый звук, запах, поворот головы, обрывок чужого разговора — набирала этот город внутрь себя.

А потом увидела Йена Эшфорда.

Он стоял не один. Рядом с ним была женщина, не только красивая, а из тех, кто не входит в пространство, а сразу занимает его без просьбы и извинений. Её светлые волосы лежали по плечам. Платье сидело на ней точно, спокойно, дорого. Она улыбалась не всем сразу, а ровно туда, куда нужно было улыбнуться, и камеры любили её за это почти так же очевидно, как любили его.

Йен держал её за талию легко, уверенно, привычно, тем спокойным мужским жестом, в котором нет места сомнениям и случайностям. Когда он поднял руку, приветствуя толпу, вспышки стали ярче, словно сам мир одобрял эту пару.

И тогда улыбка на губах Джеки погасла.

Она ведь не была дурой. Не жила в полных иллюзиях. Не ждала чуда, если говорить себе правду. Разве мог он заметить именно её, девчонку в кепке и чужой роли, ту, что всегда стоит в стороне, носит коробки, прячет лицо под козырьком и вовремя исчезает из кадра?

Чудеса существуют в кино, где бедные девочки внезапно оказываются выбранными, замеченными, спасёнными. В паддоке всё было проще. На таких, как она, не смотрят. Их используют, зовут, отправляют, иногда благодарят, если день выдался особенно щедрым, но не выбирают из толпы.

Джеки смотрела на ту женщину не из зависти к сумке, волосам или платью. Всё это было не её миром и никогда бы им не стало. Зависть была хуже, стыднее. Джеки завидовала тому, что эта женщина сейчас стояла на её невозможном месте.

Настроение было испорчено с самого начала. Теперь она смотрела на Йена иначе, не как на свет, а как на далёкую звезду, принадлежащую чужому небу. И когда он финишировал только вторым, в ней впервые шевельнулось злорадство — мелкое, почти детское.

Так тебе и надо, мрачно подумала она, пряча горечь за внутренней усмешкой. Нечего было приезжать сюда с этой длинноногой мымрой.

Только позже, когда шум трибун начал стихать, а толпа стала расходиться, Джеки поймала себя на мысли, что первая любовь горчит на языке куда сильнее, чем она ожидала.

Но она ещё не знала, какую тяжесть в эти дни носил в себе сам Йен.

——— # ———

Когда-то у него была семья, на которую смотрят с завистью, не зная, сколько трещин давно идёт под позолотой. Отец, сильный, властный, богатевший с каждым годом, построил транспортную империю на фурах, контрактах и железной хватке. Мать принадлежала к старому роду, говорила тихо, держалась безупречно и носила фамилию, которая открывала двери раньше, чем кто-то успевал постучать.

Вместе они казались непоколебимыми. По отдельности были слишком горды, чтобы показать, как давно всё между ними рассыпалось.

Йен рос в роскоши, дисциплине и ясной мужской установке — побеждать. Когда ему было пять, отец привёл его в картинг. Потом были лучшие тренеры, дорогая техника, выезды, кубки и уверенность, что для сына можно купить почти всё, кроме страха и характера. С этим Йен справлялся сам. Мать давала ему другое: выправку, сдержанность, умение держать лицо, даже когда внутри всё идёт трещинами. От отца он унаследовал напор и мозги, от неё — привычку не показывать слабость.

Отец всё чаще отсутствовал месяцами, но брак сохранял видимость целостности. В их кругу так часто бывает. Пока фасад стоит, считается, что дом не развалился.

Победы, интервью, заголовки, репутация опасного таланта — всё это пришло позже. Йена называли дерзким, агрессивным, неуправляемым, но эти слова теряли силу, когда он выходил на трассу и привозил результат. Победа всегда заставляет людей замолчать.

Два года назад у его матери обнаружили опухоль мозга.

Сначала это слово не укладывалось в реальность. Оно звучало чуждо рядом с её идеальной осанкой, жемчужными серьгами и спокойным голосом. Но болезнь не спрашивает, насколько красиво человек держится. Она просто приходит и начинает отнимать.

Были лучшие врачи, перелёты, лечение, осторожные надежды. И всё это время мать почти не показывала Йену, насколько всё плохо. Каждый разговор заканчивался одинаково:

— У меня всё хорошо. Главное, не пропускай гонки.

Он верил. Вернее, хотел верить. Ему казалось, что время ещё есть, что можно выиграть ещё один этап, пройти ещё один уик-энд, сделать всё правильно, а потом приехать к ней с кубком и наконец остановиться хотя бы на несколько дней.

Она умерла, не дождавшись его.

Гонки не умеют останавливаться из-за чужой боли. Чемпионат идёт дальше, даже если у кого-то в это время рушится жизнь. Йен тоже пошёл дальше, слегка спотыкаясь о собственные руины, но не сбавляя шага, потому что жизнь не даёт паузу на сборку.

К вечеру паддок почти опустел. Моторхоумы всё ещё стояли на своих местах, но камеры, музыка, смех и дневная суета остались позади. Теперь были только тёмное небо, редкие огни и запах выдохшегося асфальта.

Йен ждал вылета. Самолёт готовили к позднему вылету, и эти полчаса он провёл у пустой кафешки рядом с трейлерами, в тени, с низко натянутым на лоб капюшоном и сутулыми плечами. Ему было всё равно, как он выглядит, кто пройдёт мимо, что завтра снова будут камеры, вопросы, микрофоны и лица, ждущие от него либо победы, либо удобной катастрофы.

Джеки в тот день задержалась дольше обычного. Помогала Роберту собрать вещи, зная, что следующую гонку ей, скорее всего, не дадут посетить. Ей хотелось подольше надышаться этим миром наперёд, пока охрана не начала коситься.

Музыка играла в наушниках слишком громко, поэтому сначала она просто увидела одинокую фигуру за столом в глубине тени и только потом поняла, кто это. Сердце на миг потеряло ритм.

Йен?

Первой мыслью было пройти мимо, второй — подойти, а третьей уже не оказалось.

Она подошла медленно и неуверенно села рядом. Не слишком близко. Просто тихо опустилась рядом, на пустой стул.

Йен не повернул головы. Казалось, он вообще не заметил её. Смотрел в пустоту так отстранённо, словно вокруг никого не существовало. Он выглядел не сердитым и не уставшим, а таким… сломанным?

На его щеке блеснула одинокая мокрая дорожка.

Это потрясло её сильнее, чем если бы он вдруг закричал. Джеки опустила взгляд не из неловкости, а почти из уважения: она случайно увидела то, что никто не должен был видеть.

Молчание тянулось долго. Каждый сидел в нём, как в чужой одежде, и никто не решался пошевелиться первым. Где-то далеко хлопнула дверь. Ветер шевельнул лёгкий пластиковый стакан у соседнего столика, и тот качнулся, издав еле слышный, ни к кому не обращённый звук.

— Она умерла одна, — сказал он хрипло.

Казалось, он говорил не ей, а темноте перед собой.

— Моя мать. А я в это время стоял на подиуме, улыбался в камеры и делал вид, что эта победа, чёрт возьми… что она для неё.

Он злобно, коротко хмыкнул и нервно провёл рукой по волосам. Рука дрожала, и волосы плохо слушались.

— Самое паршивое даже не это, — он потёр переносицу. — Теперь уже ничего не исправить. Вообще ничего.

Джеки выдержала ещё несколько секунд — ровно столько, сколько понадобилось пластиковому стакану, чтобы успокоиться после порыва ветра, — и тихо, почти на выдохе, сказала:

— Я тоже знаю, каково это — не успеть.

Он повернул к ней голову резко, почти сердито. Глаза у него были красные от усталости и злые от боли.

— Ты? Серьёзно? — бросил он с кривой усмешкой. — И что ты можешь об этом знать?

Удар был грубым, но она выдержала его спокойно и не отвела глаз.

В этот момент ей впервые за всё время рядом с ним стало всё равно, кем он её считает: мальчишкой в кепке, случайным помощником, пустым местом. Некоторым вещам безразлична маска.

— Мой брат умер после аварии на трассе, — сказала она, глядя куда-то в темноту. — Я видела это. Отец остался в кресле. Я была рядом и всё равно ничего не смогла сделать. Ни остановить, ни вернуть, ни вовремя понять, что всё уже случилось. Так что да, я знаю.

Йен отвернул лицо. Он услышал достаточно.

Тишина между ними натянулась. Он хотел отмахнуться, послать её, вернуть себе право быть единственным человеком в этом разговоре, кому больно, но не смог. Она смотрела не с сочувствием, которое унижает, а с тем узнаванием, при котором два человека вдруг понимают: у другого внутри тоже всё сломано.

— Боль не становится меньше от того, что у кого-то было хуже, — сказала Джеки после долгой паузы. — Тебе всё равно больно. Но если держать её внутри, она рано или поздно начнёт грызть тебя.

Он опустил голову на руки.

— И что с этим делать? — спросил он резко. — Скажи, раз такая умная. Что с этим делать? Как дальше жить с такой дырой?

Слово «умная» странно зацепилось за неё даже сейчас. Не потому, что это было похоже на похвалу, а потому что Йен говорил с ней как с человеком, от которого действительно ждал ответа, пусть и злого, невозможного, брошенного в темноту.

— Ничего не сделать, — сказала она уверенно. — Не починить. Не закрыть. Но с этим можно жить. Тебе есть ради чего жить.

Йен закрыл глаза. Эти слова не лечили и не могли лечить. Но в его пустой тьме они оставили место хотя бы для воздуха.

Они ещё какое-то время сидели рядом молча. Над паддоком шевелился ветер. Где-то далеко перегоняли оборудование. Мир, как всегда, продолжал жить, не интересуясь чужим горем.

Потом в темноте появился человек из команды Йена.

— Всё готово, — коротко сказал он.

Йен поднялся не сразу, тяжело, будто тело вдруг вспомнило о каждом прожитом часе. Он сделал несколько шагов, потом остановился у выхода, где тусклый свет лампы становился ярче. Только там он обернулся.

Их взгляды встретились без слов, без всего того, чем люди обычно спасаются от искренности. В этом взгляде было признание, усталая благодарность и что-то ещё, чему пока рано было давать имя.

Йен едва заметно кивнул — ей и себе одновременно. Потом развернулся и пошёл дальше — быстро, почти бегом.

Джеки осталась сидеть одна за пустым столиком.

Когда его силуэт окончательно исчез, она поняла, что теперь думает не о женщине в дорогом платье, не о вспышках камер и даже не о том, что он когда-то случайно заметил её старую футболку. Внутри осталось другое чувство: тише, тяжелее, честнее, чем юношеская влюблённость.

ГЛАВА 6

SLICK

После той ночи Джеки уже не могла делать вид, что всё это просто увлечение. Не получалось убеждать себя, что её устраивает роль мальчишки на побегушках. Вовремя приносить коробки, исчезать из кадра и радоваться, что его ещё не выгнали.

То, что раньше жило в ней как смутное упрямство, наконец обрело форму. Это была не детская обида на жизнь, которая снова выбрала не её, и не красивая мечта, которую удобно держать где-то в дальнем углу головы. Это была жажда. Такая, после которой человек либо находит воду, либо начинает пить всё подряд, уже не спрашивая, чем это закончится.

Ей нужен был следующий шаг.

И этим шагом должен был стать симулятор.

Не дешёвая забава для богатых подростков, не экран, перед которым можно воображать себя гонщиком. Ей нужна была серьёзная установка. Но цена была такой, что от одной мысли становилось дурно. О таком даже мечтать опасно, если у тебя нет денег. Но у неё был Роберт. Человек из этого мира, не бедный, упрямый до бешенства и достаточно скупой, чтобы не тратить деньги даже на вещи, способные что-то изменить.

Роберт сидел у себя в кабинете, склонившись над ноутбуком. Свет экрана отражался в очках холодным прямоугольником. Цифры, таблицы, отчёты — всё то, что успокаивало его лучше любых разговоров.

— Дядя.

Он не поднял головы.

— Что?

Одно короткое слово. Сухое, привычное. Она сжала пальцы в кулак так, чтобы он не видел.

Спокойно, Джеки. Ты пришла не за жалостью. Ты пришла за шансом.

— Мне нужен симулятор… профессиональный.

Только теперь он оторвался от экрана и перевёл взгляд на неё. Во взгляде мелькнуло сначала недоумение, потом почти насмешка.

— Я знаю, сколько это стоит. Знаю, что это дорого. Я буду отрабатывать вложенные деньги. Сколько нужно. Но он мне необходим.

Во взгляде Роберта читалась уверенность, что она сама почувствует всю абсурдность сказанного — и инцидент будет исчерпан.

— Симулятор? Ты вообще понимаешь, о чём говоришь? Это не приставка в спальню.

— Понимаю, — ответила она сразу. — Поэтому и прошу.

Он откинулся на спинку кресла и сцепил пальцы на животе.

— И куда ты с этим собралась? В академию нацелилась? Ты хоть видела, кто туда попадает? Дети с деньгами, связями и правильными фамилиями. Те, кого к болиду подводят с детства не за руку, а за контракт. Один симулятор ничем не поможет.

— Видела, — сказала Джеки. — И всё равно хочу попробовать. Я быстрее многих из них.

— Самоуверенно.

— Я знаю, что умею. Я всё ещё помню каждый заезд на треке.

Он сощурился, изучая её долгим взглядом, но его лицо оставалось непроницаемым.

— У тебя был картинг, — произнёс он наконец. — Были юниорские машины, открытые колёса, весь этот детский азарт. И чем всё закончилось, ты тоже прекрасно помнишь.

— Помню, — сказала она тише.

— Тогда зачем тебе снова на трассу? Я думал, ты с гонками покончила.

Теперь она уже не отвела глаз.

— Потому что я не хочу всю жизнь таскать чужие вещи и притворяться, что мне этого достаточно. Не хочу стоять рядом и смотреть, как другие едут, когда сама могу быть за рулём. У меня здесь вообще может не остаться работы, ты сам говорил, что у команды будут сокращения. Острой необходимости во мне нет. Я это понимаю. Но симулятор — хотя бы щель. Я буду работать каждый день. По ночам, по утрам, сколько угодно. Я не прошу верить в меня. Просто дай мне возможность доказать, что это не каприз.

В кабинете стало тихо. Ноутбук всё ещё светился, но уже не забирал на себя внимание.

Роберт смерил её взглядом, в котором секунды растянулись для неё в минуты. Не с раздражением, не с ленивым превосходством и не с той снисходительностью, которой взрослые прикрываются, когда заранее уверены в чужом поражении. Он смотрел так, будто впервые увидел в ней не проблему и не временную обузу, а человека, готового драться за своё желание.

Наконец он устало выдохнул.

— Ладно, — сказал Роберт. — Нового заводского симулятора у тебя, разумеется, не будет. Но я посмотрю, что можно собрать. Или у кого выкупить приличную установку.

У неё внутри всё болезненно напряглось и тут же вспыхнуло надеждой.

Он поднял палец, заранее останавливая восторг.

— Только не воображай, что это билет в сказку. Если я в это вложусь, ты будешь пахать. Без истерик. Без права бросить через месяц.

— Я не брошу, — выдохнула она.

— Посмотрим, — бездушно сказал он и снова повернулся к ноутбуку.

Разговор был окончен, но этого было достаточно, чтобы сердце у неё снова забилось не от страха, а от опасной надежды, которая либо держит на ногах, либо добивает. На этот раз Джеки была готова рискнуть.

После Монако новостные ленты взорвались. Каждый заголовок, каждая фотография, каждая строка сводились к одному: Йен Эшфорд потерял мать. В статьях повторяли, что в момент её смерти он был на трассе, вёл гонку, а рядом с ней не оказалось никого из семьи. Репортажи, догадки, грязные заметки множились с отвратительной жадностью.

Через пару дней появились фотографии с похорон. Тёмный костюм, сжатые губы, лицо каменное, собранное. В нём не осталось мягкости — только упрямство, доведённое до формы. Перед камерами он не позволил себе сломаться.

Джеки разглядывала эти кадры, водя подушечками пальцев по экрану. Каждый заголовок отдавался тяжестью в груди, потому что она ничего не могла сделать. Но она знала то, чего не знали они. Знала его молчание в ту ночь. Знала его бессилие. Знала, как дрожало его лицо. От этого внешний шум казался ещё грязнее, и всё, что ей оставалось, — работать, тренироваться и смотреть гонки.

Следующим этапом была Бельгия. Там Йен столкнулся с другим пилотом и сошёл. Газеты тут же захлебнулись выводами. *«Смерть матери сказывается на Эшфорде».*

В Венгрии он финишировал только пятым. В паддоке переглядывались, в прессе начинали осторожно задавать тот самый хищный вопрос: *не сломался ли он.*

Через несколько гонок он вернулся. Не прежний — другой.

В его пилотаже стало меньше ярости ради ярости и больше холодной точности. Агрессия никуда не исчезла, просто теперь работала чище, как отточенное лезвие. Он всё ещё получал штрафы, всё ещё шёл слишком близко к грани, но снова и снова вытаскивал себя вперёд.

К концу сезона Йен снова стал чемпионом с Titanium Racing.

Пока новостные ленты рвали жизнь Йена на разные куски, Джеки выстраивала свою собственную. Днём она по-прежнему крутилась в паддоке, хваталась за любую работу, слушала, наблюдала, училась. А ночью был симулятор.

Он не был идеальным и, конечно, не походил на то, на чём работали большие команды. Роберт достал кокпит через знакомых, выкупил хорошую рулевую базу, педальный блок и монитор, который занимал половину комнаты. Всё выглядело грубовато, будто собрано из разных частей, но работало серьёзно. Это была не игрушка, а машина для дисциплины.

Джеки садилась в кокпит и исчезала, а через полгода её впервые оформили в Luminor Motors на постоянную должность начального уровня. В документах значилось: J. Adams. В гараже воспринимали ещё проще. Просто племянник Роберта. Никому не было дела до подробностей, пока человек вовремя приносил нужные вещи, не спорил с начальством и не создавал проблем.

Небольшая зарплата. Бейдж, открывавший чуть больше дверей, чем раньше. Форма команды. Список обязанностей, в котором было больше грязной работы, чем уважения.

Образование было обрывками. Других опор почти нет. Жить по-настоящему она могла только здесь. Формула-1 стала для неё не мечтой даже, а домом: шумным, кочующим, жестоким, но единственным.

Когда командные выезды стали регулярнее, ей выдали официальную форму команды.

Раньше всё было проще: бесформенные футболки, широкие штаны, кепка, надвинутая на глаза. Никто особенно не приглядывался. Но форма по размеру сделала то, чего она боялась. Силуэт стал заметнее. Маскировка, которая раньше держалась на небрежности, теперь требовала уже не удачи, а усилия.

Стоя одна в раздевалке, Джеки шумно выдохнула и написала Люси.

За эти месяцы Люси стала для неё самым близким человеком в команде. Их сблизила не нежность, а практичность чужого выживания. Люси тоже знала, каково это — держаться в мире, где у других есть запас прочности, а у тебя только работа, ребёнок, усталость и необходимость не развалиться.

Она приехала в Лондон из Ирландии учиться, на последнем курсе забеременела, а отец ребёнка оставил ей деньги на «решение» и исчез быстро. С тех пор Люси тянула шестилетнего сына одна. Лондон умел быть безжалостным к тем, у кого нет денег на ошибку, и Люси знала это не из разговоров.

Когда выяснилось, что мать Джеки тоже была ирландкой, между ними образовалась ещё одна, тихая нитка понимания.

— Посмотри на это, — сказала Джеки, показывая на форму. — И скажи, как это спрятать.

Люси долго молчала. Смотрела не как на коллегу, а как на кого-то почти родного. Потом тяжело вздохнула.

— Сними верх полностью.

Джеки вспыхнула, но подчинилась.

Люси взяла биндер, проверила материал, провела пальцами по швам и кивнула.

— Подними руки.

Они делали всё медленно, аккуратно, без спешки. Люси поправляла ткань, как советовали в роликах на YouTube, следила, чтобы ничего не перетянуть слишком сильно, объясняла, как распределять давление, как снимать, когда обязательно давать телу отдых и почему нельзя геройствовать, если становится трудно дышать. Джеки чувствовала, что воздуха стало меньше, но вместе с этим приходила и странная уверенность, будто из страха наконец собрали хоть какую-то защиту.

Когда всё было закончено, Люси помогла ей снова надеть форму.

В зеркале словно стоял другой человек. Силуэт стал чище. Ничего лишнего. Ничего, за что мог бы зацепиться случайный взгляд.

Обе какое-то время молчали, оценивая результат.

— Так лучше, — сказала Люси. — Но слушай внимательно, слишком туго каждый день нельзя. Под курткой или под чем-то широким не утягивай сильно. Если будешь таскать себя в этом постоянно, спина, рёбра и дыхание быстро напомнят, что ты не железная.

Джеки кивнула.

Люси подошла ближе, поправила ворот её формы и тихо добавила:

— Прятаться — это тоже работа. А любая работа должна тебя не убить, а сохранить.

ГЛАВА 7

RADIO

После того дня, когда её официально приняли в Luminor Motors, Джеки впервые почувствовала, что прикоснулась к чему-то большому.

Оставалась одна проблема.

Раньше она запихивала непослушные клоки волос под кепку. Теперь это стало сложнее. Волосы отросли, и маска мальчишки, столько времени спасавшая её, могла дать трещину, стоило кому-то задержать взгляд чуть дольше обычного.

Она решила не ждать, пока образ развалится сам.

В маленьком салоне на окраине Лондона Джеки села в кресло, посмотрела на своё отражение и сказала мастеру:

— Отрежьте до шеи. И сделайте грубо как у парней.

И ей сделали. Это была не просто обычная стрижка. Брейды уходили от лба к затылку ровными рядами, делали лицо строже, жёстче, острее. Поймав своё отражение в зеркале, Джеки не сразу его узнала.

Волосы больше не мешали ей прятаться, наоборот, собирали образ в одно целое. Лицо открылось — резче проступили скулы, подбородок, взгляд.

Новая причёска — новая глава жизни. Но начало следующего года не принесло резких перемен. Жизнь по-прежнему текла в ритме паддока, только теперь на ней была форма Luminor Motors. Обязанности почти не изменились, но сам факт принадлежности к команде наполнял её тихой, осторожной гордостью.

В мире Формулы-1 главной новостью тем временем оставался Йен Эшфорд.

Его имя гремело в заголовках, репортажах, подводках и аналитике, но сезон для Titanium Racing всё равно не стал полным триумфом. Кубок конструкторов ушёл к Iron Storm. Они не так ярко ездили, как Эшфорд, зато работали точнее и стабильнее: меньше красивых побед, больше дисциплины, чистых уик-эндов, очков и доездов. Формула-1 любит талант, но командные титулы чаще достаются тем, кто умеет превращать сезон не в фейерверк, а в слаженную работу.

Йен тащил на себе львиную долю результата, но одного пилота для командного титула было мало.

Его напарником был Жан Дюбуа. Лицо почти мальчишеское, взгляд такой же. В младших сериях он успел заработать репутацию дерзкого гонщика, и ещё недавно на него смотрели с надеждой. Но в Формуле-1 надежда быстро становится раздражением, если за ней не идут очки. Жан ошибался, срывался, разбивал машину, терял позиции и, кажется, самого себя. Внутри Titanium Racing об этом уже говорили не шёпотом, а усталым, злым тоном людей, которым надоело чинить последствия чужой нервозности.

Паддок быстро сделал вывод. Жан во втором кресле рядом с Эшфордом долго не продержится.

Эта мысль взбудоражила всех. Даже соперники средней группы не особенно прятали улыбки. Всем нравилось смотреть, как одна из самых сильных команд даёт слабину. Каждый промах новичка, каждый разворот, каждое нервное радио тут же становились частью общей злорадной музыки.

Джеки слышала эти разговоры и запоминала их с той жадностью, с какой раньше запоминала запахи гаража. В Формуле-1 чужие провалы были не только сплетнями. Иногда они становились дверями.

Её собственная дверь открылась не эффектно. Без фанфар. Можно сказать, что случайно.

Ей уже исполнилось двадцать.

У Роберта, при всех его странностях, скупости и болезненном самолюбии, была одна хорошая привычка. На день рождения он всегда дарил подарки. Не обязательно щедрые, не обязательно красивые — но дарил.

Гран-при уже был позади, а на следующий день у команды была закрытая программа на старом шасси. К вечеру тестовая работа почти закончилась. Солнце опускалось ниже, бокс пустел. Большинство механиков уже разошлись, в воздухе висел тяжёлый запах топлива, железа и остывающей резины. В дальнем углу гаража стоял болид под ярким чехлом.

Когда в гараже осталось всего несколько человек, Джеки, неторопливо перекладывая инструменты, всё чаще поглядывала на машину. Потом всё-таки подошла ближе. Чехол повторял обводы носа, боковых понтонов, воздухозаборника, и даже скрытый под тканью болид казался живым существом, которое просто ждёт, когда ему позволят проснуться.

Роберт всё это время сидел к ней спиной. Закончив работу, он прикрыл крышку ноутбука и медленно повернулся. Его взгляд задержался на том, как Джеки бродила вокруг машины с щенячьим любопытством.

О её дне рождения они не вспомнили. Вернее, он не вспомнил вслух. В тот день его не было дома, а подарок так и остался делом, отложенным на потом.

Теперь, глядя на неё, Роберт вдруг сказал:

— Хочешь прокатиться?

Джеки застыла. Даже не от смысла его слов, а от того, как буднично они прозвучали, будто он предложил не машину, а чашку кофе.

— Что?

— Не тормози, — бросил Роберт, вставая со стула. — Один полный круг. Посмотрим, чему тебя научил твой симулятор.

— Ты серьёзно? Мне правда можно?

— Ещё передумаю, и будешь потом ныть до конца жизни. Осмотри машину внимательно. Если сомневаешься, скажи сразу. Ошибка встанет мне дорого.

Она уже почти не слышала последних слов. Подошла к болиду, и всё вокруг сжалось до одной точки.

Под чехлом был не просто металл и углепластик. Для неё это было воплощение всего, к чему она тянулась столько лет. Она провела ладонью по ткани почти осторожно, почти благоговейно.

— Рост у резервиста примерно твой, — сухо продолжал Роберт, уже переходя на деловой тон. — Посадка должна сойтись. Один чистый выезд и всё. Понял?

— Понял, — сказала она, хотя в голосе всё равно дрожало что-то слишком живое. — Дядя… это правда можно?

Он наклонился ближе и сказал почти шёпотом:

— Ты давно этого хотела. Вот и получай. Только не опозорь меня перед коллегами.

Роберт сам подготовил её к выезду. Короткий инструктаж, несколько последних замечаний, проверка посадки, ремней, положения рук. Когда он подвёл её к болиду, пара механиков откровенно застыли. Один из них уже открыл рот, но Роберт отрезал коротко и жёстко:

— Я беру это на себя. Проблем не будет.

Мотор ожил глухим, низким рыком. Звук ударил Джеки в грудь, в кости, в дыхание.

Болид покатился по пит-лейну. И всё лишнее исчезло. Не было больше ни маски, ни страха разоблачения, ни мыслей о том, как она выглядит со стороны. Было только это: руль, педали, мотор, трасса — и она сама.

На прямой машину резко потянуло вперёд, а Джеки с такой силой вжало в кресло, что на долю секунды перехватило дыхание. Но вместо страха пришло узнавание.

Первый поворот. Короткая пауза на апексе. Открытие газа. Руки не суетились. Машина не казалась чужой. Она была жёстче симулятора, злее, тяжелее, честнее, но логика движения оставалась той же. Джеки чувствовала, где нельзя спешить, где нужно отпустить, где собрать передок, где не испугаться задней оси на выходе.

Сектор за сектором. Связка за связкой. На выходе на прямую она вдавила газ глубже и впервые позволила себе не просто ехать, а довериться болиду.

Когда машина вернулась в боксы, внутри гаража повисла короткая, недоверчивая тишина. Механики переглядывались. Кто-то хмурился. Кто-то уже искал оправдание тому, что увидел.

На мониторе высветилось время. Не сенсация, конечно. Но слишком аккуратно для человека, который, по мнению половины бокса, вообще не должен был оказаться за рулём.

Один из молодых инженеров первым нарушил молчание:

— Чисто, — выдохнул он. — Он проехал очень круто.

Роберт ничего не сказал. Только чуть прищурился, глядя на монитор. В его глазах мелькнуло выражение, которого Джеки раньше не видела. Не гордость — нет. Скорее холодный интерес человека, который вдруг понял, что перед ним лежит не проблема, а ресурс.

Именно в этот момент дверь гаража резко распахнулась, и внутрь влетел Рик.

Босс Luminor Motors по каким-то своим причинам задержался дольше обычного и успел застать конец круга. Он быстро подошёл к экранам, даже не скрывая раздражённого любопытства.

— Какое время? — резко бросил он. — Покажите цифры.

Ближайший инженер молча развернул монитор. Рик уставился в хронометраж и на несколько секунд застыл.

— Охренеть, — пробормотал он почти беззвучно.

Потом поднял голову на Роберта.

— Ещё один круг. Повторить.

Никто не спорил.

Джеки снова вывели на трассу. Теперь руки уже липли к рулю не от страха, а от возбуждения. Она ощущала, что в боксе смотрят.

В глазах Рика вспыхнул холодный азарт человека, который привык считать выгоду быстрее эмоций. Роберт заметил это сразу. И в ту же секунду у него в голове начала складываться схема, ещё почти фантастическая, ещё неприлично рискованная, но уже слишком заманчивая, чтобы отмахнуться.

Рик тем временем повернулся к Роберту:

— Кто это такой, Роб? Почему я о нём ни черта не знаю?

Роберт выдержал короткую паузу и ответил в своей обычной манере:

— Мой племянник. Крутится рядом давно. Работает на симуляторе. Немного ездил раньше.

— Немного? — Рик хмыкнул, снова глядя на цифры. — Ты хочешь сказать, мальчишка, который никем у нас не числится, только что проехал чище, чем наш резервист?

Роберт не отвёл глаз.

— На этом выезде — да.

Рик коротко рассмеялся. Не весело — возбуждённо.

— Чёрт возьми. Ты видел, как он собирает поворот? Ноль паники, минимум лишних движений. Это не случайность, Роб. У парня есть талант.

Он снова перевёл взгляд с экрана на трассу.

— Держи его ближе, — сказал уже тише. — И подготовь по нему пакет. Без шума. Если есть хоть малейший шанс оформить его резервом, я хочу знать это не тогда, когда у нас уже горит гараж.

Роберт медленно кивнул.

— Сделаю.

— Но… если ещё раз тронешь машину без разрешения, — добавил Рик, уже тише, — будешь месяц работать без зарплаты.

Роберт снова кивнул, но внутри у него уже крутилась другая мысль. До этого дня он видел в Джеки в основном обязанность: нежеланную родственницу, проблему, которую приходится держать рядом. Теперь всё начинало выглядеть иначе. Если правильно разыграть карты, её талант мог стать не только её шансом. Может быть, и его тоже. Идея ещё не была планом. Но уже перестала быть просто идеей.

К огорчению Джеки, после того вечера прошло ещё три этапа, и ни один не дал ей нового шанса. Даже домашний Сильверстоун — её земля, место, где сердце начинало биться быстрее ещё на подъезде к автодрому, — прошёл мимо. О ней снова забыли.

На старт выходили всё те же люди, всё те же знакомые лица, а Джеки оставалось стоять в тени боксов, подавать инструменты, носить воду и делать вид, что этого достаточно.

Она молилась. Не красиво, не так, как молятся в книгах. Просто просила.

Человеку, в сущности, всё равно, как называть своё отчаяние — верой, надеждой или слабостью. Когда очень нужен шанс, ты всё равно однажды начинаешь говорить в темноту.

Месяц пролетел.

Когда чемпионат добрался до Бельгии и всё шло своим привычным ритмом, случилось то, чего никто в Luminor Motors не ждал.

Милош не прилетел. У его жены начались роды, и ночью он сообщил команде, что остаётся рядом с ней.

Для любого нормального человека это была понятная причина. Для Формулы-1 — форс-мажор, с которым надо что-то делать немедленно. Здесь не принято останавливать уик-энд из-за чужой жизни.

Новость ещё не успела разойтись по паддоку, когда Рик уже влетел в гараж с телефоном в руке.

— Итак, — бросил он, почти не скрывая злости, — поздравим нашего дорогого Милоша. Он решил стать отцом в самый подходящий, мать его, момент.

Рик с силой швырнул телефон на стол.

— До первой сессии меньше суток. Вторую машину нельзя снимать с уик-энда. Нам нужен второй пилот.

Гараж втянул воздух и замолчал. Как огромный живой механизм, на секунду забывший, как шуметь.

Рик повернулся к Роберту:

— По Адамсу пакет, который я просил, закрыт?

Вопрос прозвучал резко, но без удивления. Разговор, к которому шли несколько недель, наконец перестал быть теорией.

— Резервная заявка в системе есть, — сказал Роберт. — После Барселоны мы провели частную обкатку. Медицинский протокол обновлён, данные по посадке, эвакуации и радиопроцедурам готовы. По документам J. Adams проходит как технический резерв с пилотным допуском. Если решаемся, сегодня до ночи закрываем остальное.

Рик быстро кивнул.

— Мартин, а ты?

Старший инженер по данным оторвался от монитора.

— По Барселоне круг был неплохой, — сказал он. — По телеметрии он проехал лучше резервиста. На среднем секторе быстрее почти на четыре десятых. По рулю минимум лишних коррекций. По торможению аккуратно, без паники. Я не знаю, как он поведёт себя в трафике и под давлением, но базовая скорость есть.

Рик ударил ладонью по столу, подводя черту.

— Значит, не в пустоту прыгаем.

Он обвёл команду тяжёлым взглядом.

— Слушаем внимательно. До конца вечера никто не открывает рот. Никаких разговоров вне бокса. Для паддока это экстренная замена резервным пилотом, и всё. Роберт, документы, экипировка, брифинг, FIA — на тебе. Мартин, подготовь сравнение по кругам и настройкам. Если кто-то начнёт задавать вопросы, я хочу отвечать цифрами, а не надеждой. Остальные — готовьте машину и пилота. Без скидок на дебютанта.

Он сделал паузу и добавил уже громче, чтобы слышали все:

— Завтра едет Адамс. И я не хочу, чтобы это выглядело как паника. Пусть все думают, что мы были к этому готовы с самого начала.

Когда Джеки сообщили новости, она сначала не смогла вдохнуть.

Потом вышла из гаража, прошла по коридору и свернула туда, где было темнее и тише, и только там остановилась, прижав ладони к груди. Холодная стена упёрлась в спину. Она закрыла глаза и впервые позволила себе задержаться в этом моменте.

Это случилось.

Роберт нашёл её через несколько минут. Он не стал говорить в коридоре. Просто кивнул в сторону трейлера, и она молча пошла за ним.

Внутри он положил на стол папку с бумагами и только потом посмотрел на неё почти как на равную.

— Ты всё ещё уверена в себе? — спросил он.

— Да, — ответила она, не слишком уверенно.

Он прищурился.

— Не мне это говори. Себе. И поувереннее.

Она заставила себя глубоко вдохнуть.

— Да. Уверена.

— Тогда слушай внимательно. Это шанс, без сомнений, но и риск, — произнёс Роберт тоном человека, который уже посчитал стоимость обоих вариантов. — Если ты рассыплешься, вопросы пойдут не только к тебе, но и ко всему, на чём держится твоя легенда. Поэтому завтра ты не пытаешься всех поразить. Ты делаешь главное: едешь чисто, слушаешь инженера, не болтаешь лишнего и не даёшь никому повода лезть глубже, чем нужно.

Она опустила взгляд.

— А если полезут?

— Полезут, — сказал он спокойно. — Это паддок. Здесь все лезут. Но одно дело — любопытство. Другое — повод. Повода мы им не дадим.

Он открыл папку.

— Сегодня у тебя эвакуационный тест, финальный осмотр, брифинг по болиду. Ночью — посадка и радиопроцедуры. Утром — первая сессия. До этого момента ты никто. Резервный пилот, которого команда подготовила заранее. Понял?

— Эм… понял.

Он перевёл на неё тяжёлый взгляд.

— Отныне отвечай всегда в мужском роде. Кроме Люси кто-то знает?

— Нет. Только она.

— Хорошо. Люси будет рядом. Но по нашим правилам.

После паузы Джеки всё-таки спросила то, что сидело в ней с самого начала:

— Дядя… а если нас всё-таки поймают? Это вообще законно?

Роберт растянул губы в ленивой усмешке, и в ней не было ни тепла, ни успокоения.

— В Формуле-1 всех ловят не за тайны, а за ошибки. Поэтому не ошибайся там, где можешь этого избежать.

Он закрыл папку и добавил уже совсем сухо:

— Завтра ты выходишь как гонщик. Не как девочка, не как мой племянник. Как гонщик.

Подготовка началась сразу.

Джеки уже не успевала думать, только выполняла команды. Техник подгонял посадку в кокпите: положение плеч, длину ремней, упор головы, вылет педалей. Затем пришёл представитель FIA на процедуру эвакуации. Потом медик: формальные вопросы, пульс, глаза, шея, реакция. Затем шлем, вкладыши, рация, настройки кнопок на руле, последовательность команд, которую нельзя перепутать под давлением.

Всё происходило быстро и без лишней романтики. Именно поэтому происходящее казалось ещё более реальным.

Когда Люси вошла в трейлер и увидела её в комбинезоне, на секунду остановилась прямо в дверях. Джеки сидела у зеркала, уже в белье под экипировку, с уложенными брейдами, которые теперь прятались под балаклаву, и смотрела на себя так, будто всё ещё не до конца верила в собственное отражение.

Люси подошла ближе, осторожно поправила воротник.

— Страшно?

— Очень.

Джеки подняла на неё глаза.

Люси застегнула последний клапан на комбинезоне, провела ладонью по плечу и сказала тихо:

— Сейчас не думай обо всём сразу. Ни о людях в паддоке, ни о чужих взглядах, ни о том, что будет после.

Эти слова оказались нужны ей именно сейчас — не как совет и не как инструкция, а как разрешение не пытаться удержать весь мир в голове.

Она шагнула ближе и обняла Люси крепко, почти по-детски, словно в этом простом жесте можно было на секунду укрыться от всего, что ждало впереди.

— Когда всё закончится, — сказала Люси уже мягче, — у тебя ещё будет время испугаться.

Она отстранилась, заглянула ей прямо в лицо и добавила:

— А сейчас иди. Делай то, ради чего столько лет держалась.

ГЛАВА 8

QUALI

Трибуны ещё только собирали людей, пёстрые пятна кепок, флагов и поднятых рук, а шум уже жил отдельно — горячий, блестящий, забегающий вперёд, словно стартовые огни где-то внутри него давно погасли.

Джеки сидела в кокпите, пока ей затягивали ремни.

Каждый щелчок замка отдавался внутри глухим ударом. Руки немного дрожали, но под перчатками этого не было видно. Снаружи она выглядела почти так, как и должна была выглядеть: пилот в шлеме, в комбинезоне Luminor Motors, с чужим именем в заявочном листе и собственным сердцем, которое никак не хотело биться тише.

По радио вышел Роберт. Ему удалось выбить право вести её в квалификации.

— Слушай внимательно. Первый круг — только чтобы вкатиться. На поворотах не геройствуй. Здесь половина ошибок начинается от жадности. Тебе нужен чистый круг.

— Хорошо, — сказала она, и собственный голос в наушниках показался ей чужим.

Когда машина выехала на трассу, всё вокруг отступило.

Спа раскрывался не сразу, а постепенно: длинный, быстрый, влажный по краям, с тёмной полосой резины на траектории и небом, которое в любой момент могло передумать. Первый сектор она прошла осторожнее, чем могла. На подъёме через О-Руж и Радийон пальцы сжались так, будто тело наконец признало очевидную вещь. На такой скорости страх — не позор. Но к концу круга её дыхание выровнялось.

— Неплохо, — сказал Роберт. — Теперь собирай.

Она собрала. Джеки поздно отпустила тормоз, мягко поймала апекс и вышла на прямую с таким злым, ровным разгоном, что страх внутри уже не мешал — только держал её острее.

В боксах Мартин не отрывался от экрана.

— Пока двенадцатый, — бросил он через плечо.

Рик резко выпрямился.

— Двенадцатый? Это же не плохо, да?

— Первый болид быстрее, — сухо добавил Мартин. — Но не намного.

Спа быстро расставил всё по местам. По мере того как трасса становилась лучше, время летело вниз, и Джеки начала откатываться. Двенадцатая. Тринадцатая. Четырнадцатая.

Последние минуты Q1 тянулись мучительно долго.

— Пятнадцатый, — выдохнул наконец Мартин. — Прошёл.

Во второй сессии Джеки поехала холоднее. Осторожнее на входе, собраннее на торможении, без лишних движений рулём. Она не пыталась вырвать невозможное, только удержать то, что уже взяла. И это сработало.

До Q3 она не добралась. В другой команде такой результат назвали бы скромным. Для Luminor Motors это было событием.

Когда болид остановился в боксах, вокруг на секунду стало слишком тихо. Джеки подняла визор, сняла шлем — и сразу почувствовала на себе все взгляды.

Первым к ней подошёл Рик.

Он хлопнул её по плечу так сильно, что она едва удержалась на ногах.

— Ну ты и чертёнок, — сказал он с почти искренним восторгом. — Роб, я тебе этого не прощу. Держал такого козыря под носом и молчал. Сколько бы мы сэкономили на этих бездарях...

Кто-то сбоку свистнул, кто-то едва улыбнулся. Но в этом шуме уже не было прежнего скепсиса. Было другое. Интерес.

Гонка

Утро гонки пришло в Спа с туманом.

Арденны дышали влажным воздухом, мокрой листвой и холодным асфальтом. Паддок оживал задолго до старта. Механики шли к боксам, инженеры — к мониторам, журналисты — к своим камерам, и всё это постепенно складывалось в тот ритм, который перед гонкой всегда похож на предгрозовую дрожь.

Шума вокруг Джеки оказалось меньше, чем она боялась. Luminor Motors не была командой, за которой охотились все микрофоны паддока. Несколько вопросов, пара любопытных взглядов, короткие заметки о таинственном резервисте — и всё. Основное внимание давно принадлежало лидерам, фаворитам, скандалам и титульной борьбе.

Йен Эшфорд существовал в другой вселенной. У него не было ни причины, ни времени смотреть в сторону новичка из Luminor, но для Джеки и этого было достаточно.

Сегодня она выйдет с ним на одну трассу. Ещё недавно сама мысль об этом показалась бы наглой и нереальной. Теперь она становилась фактом.

Перед стартом Роберт говорил особенно сухо:

— Стартуем на медиуме. Не страшно, если без очков. Главная цель — довезти машину. В О-Руж не доказывают характер, там его теряют. На торможениях не рви руль. Если впереди начнут выигрывать гонку в первом повороте, ты в этом не участвуешь.

— Принял.

Она стояла на решётке, и мир вокруг казался слишком плотным. Болиды впереди и по бокам выглядели неподвижными, но это был обман. В каждом уже жило напряжение: температура шин, обороты, пальцы на лепестках, глаза на огнях, сотни просчитанных вариантов, которые через несколько секунд всё равно разлетятся к чёрту.

Джеки опустила руки на руль. Пальцы легли на кнопки и переключатели почти на ощупь. Точка схватывания сцепления. Обороты. Дифференциал. Состояние резины. Голос Роберта в памяти: *не участвуй в чужой аварии.*

Красные огни загорались один за другим.

Первый — и внутри прошёл мелкий шорох.

Второй — дыхание оборвалось и стало коротким, резаным.

Третий — всё лишнее исчезло. Остались руль, педаль и асфальт.

Четвёртый — мысли закончились.

Пятый — тишина.

Двадцать машин рванули вперёд, и мир мгновенно сузился до Ла-Сурс, торможения, боковых зеркал и сантиметров свободного пространства. Она вошла в первый поворот жёстко стиснув зубы, но без суеты. Дала одной машине уйти, не полезла в щель, где ничего нельзя было выиграть, и тут же получила награду. Впереди двое полезли слишком широко, один вынужден был сбросить, другой выехал на грязную часть, и Джеки прошла мимо.

— Хорошо, — спокойно сказал Роберт. — Вот так и работай.

К десятому кругу хаос первых минут схлынул. Шины вошли в рабочее окно.

Впереди маячил один из Alta — медленный в поворотах, цепкий на прямых.

— Он проседает на выходе из Пуона, — коротко вставил Роберт. — Готовься к Кеммелю.

Она села ему на хвост.

На длинной прямой воздух дрогнул, мотор вышел на пик. Соперник слишком поздно сместился закрывать траекторию, и к этому моменту Джеки уже была рядом. На торможении перед Ле-Комб машины пошли бок о бок, и на долю секунды ей показалось, что места не хватит.

Она почти дёрнула руль, но места всё равно хватило.

— Отлично.

Впервые за всё утро в его голосе прозвучало что-то похожее на гордость.

Ближе к середине гонки над трассой прошёл мелкий дождь — типичный для Спа. Где-то асфальт остался почти сухим, где-то потемнел и стал скользким. Именно в такие минуты маленькие команды иногда получают шанс не за счёт скорости, а за счёт смелости и своевременного решения.

Luminor не ошиблась со стратегией. Они дотянули окно чуть дольше остальных, потом позвали её в боксы вовремя, поставили нужный комплект и выпустили обратно без провала.

Когда гонка вошла в последнюю треть, она уже ехала в очковой зоне.

Впереди оказался второй болид Titanium Racing — не машина Йена, а его напарника. Тот самый Жан Дюбуа, вокруг которого ещё в прошлом сезоне было столько разговоров. Для Джеки это не должно было иметь значения.

Но имело.

— Он проседает на торможении, — сказал Роберт. — Если пойдёшь, иди до конца. Ты быстрее.

На входе в связку Дюбуа поставил машину чуть шире, чем следовало. Джеки нырнула внутрь поздно, почти на грани, на секунду почувствовала, как разгружается передняя ось, и всё же удержала траекторию. Из-под днища взметнулись искры. Машины вышли рядом.

Потом её болид оказался впереди.

— P8, — выдохнул Роберт по внутреннему каналу. — P8, если довезём.

Последние круги тянулись бесконечно. Каждый поворот казался длиннее предыдущего, каждая прямая — уже и опаснее. Она больше не ехала на порыве. Она выживала внутри собственного темпа, удерживая машину, шины, дыхание, нервы.

А потом впереди мелькнул клетчатый флаг.

Она пересекла линию восьмой.

В боксах Luminor Motors на секунду воцарилась тишина — та самая, которая наступает не от пустоты, а от слишком сильного удара. Потом всё сорвалось сразу: голоса, смех, хлопки по столам, кто-то вскочил, кто-то обнял соседа, кто-то просто бессильно сел обратно, выдыхая так, будто сам только что доехал до финиша.

Рик орал громче всех:

— Восьмое! Мы в очках, чёрт возьми!

Для лидеров чемпионата это был бы просто неплохой день. Для Luminor — один из лучших за последние месяцы.

Роберт вышел на связь позже остальных. Когда он заговорил, голос у него звучал серьёзно, но под этой сухостью уже невозможно было спрятать главное.

— Хорошая работа, Джеки.

Она дышала тяжело, рвано.

— Мы сделали это, — сказала она почти шёпотом. — Я не верю… я доехал до конца гонки.

Йен был впереди, как и должен был быть впереди человек его породы. С именем, командой, правом на ошибку и людьми, готовыми объяснить любую его неудачу обстоятельствами. У неё всего этого не было. Но сегодня они ехали по одной трассе, подчинялись одним огням и рисковали в одних поворотах. Для кого-то это была мелочь.

Для неё — почти равенство.

Позже, когда команды начали собираться домой, в штабе Luminor Motors разговоры только набирали силу.

Рик ходил по комнате, размахивая руками.

— Мы обязаны это использовать. Для прессы — готовая история. Для спонсоров — вообще подарок. Мальчишка из гаража, которого вытащили в машину, и он сразу привозит очки.

Реальность была сложнее, чем Рику хотелось. Один удачный уик-энд ещё можно было провести как экстренную замену резервным пилотом, заранее заведённым в систему. Постоянное место — совсем другое дело.

К тому же команда жила на тонком балансе. Милош и Крамер, при всех своих слабостях, приносили не только проблемы, но и спонсоров. Убрать одного — трещина. Убрать обоих — риск обрушить то, что и так держалось с трудом.

И всё же азарт Рика уже было не остановить.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Один уик-энд ничего не значит. Пока оставляем его резервом. Если окно откроется ещё раз, выпускаем снова. И пусть весь паддок гадает, кто этот чёртов мальчишка.

Окно открылось быстрее, чем кто-либо ждал.

Новость об уходе Крамера пришла через несколько дней. В интервью он сказал кратко:

— Я ухожу. Возвращаюсь туда, где у меня есть будущее. В Luminor я его больше не вижу.

Паддок загудел мгновенно.

В гараже Luminor вспыхнул обычный для таких дней хаос. Рик швырнул папку о стену, опрокинул стул и несколько минут говорил так громко, что к их моторхоуму начали коситься даже соседи.

Когда первый приступ злости схлынул, слово взял его менеджер — человек хитрый, холодный и опасный именно своей аккуратностью.

— Может, это не поражение, — сказал он. — Может, это и есть окно.

Рик обернулся.

— Какое ещё окно?

— Для истории, которую можно продать.

Он говорил спокойно, почти лениво, но Роберт, стоявший чуть в стороне, сразу понял этот тон. За ним всегда шёл расчёт.

— Парень запоминается, — продолжил менеджер. — Камера его любит. В нём нет блеска богатых академий и дорогих фамилий. Он считывается как исключение. Люди любят исключения сильнее, чем идеальных победителей. Если правильно подать историю, он быстро станет заметнее Крамера. А если начнёт возить очки — ещё лучше.

Рик прищурился.

— Чёрт возьми... а ведь это может сработать.

Роберт слушал, не вмешиваясь. Он слишком хорошо знал обоих, чтобы принимать их слова за чистую монету. Они уже видели в Джеки не человека, а выгодный сюжет. Но он и сам был не из тех, кто приходит в игру без собственных расчётов.

Позже, дома, когда в кухне пахло горячим чаем и холодным воздухом из приоткрытого окна, он сказал без всяких предисловий:

— Рик и его менеджер хотят двигать тебя дальше, если появится окно.

Джеки сразу застыла.

— Как основного пилота?

— Пока как удобную историю. Они хотят использовать нас. Для них ты проект. Для прессы — мальчишка из ниоткуда. Но если они готовы на это ставить, мы тоже возьмём всё, что можно взять.

Она вскинула голову.

— Если они думают, что я стану пешкой, они ошибаются.

В её голосе звенела не обида, а решимость. Роберт посмотрел на неё дольше обычного и впервые усмехнулся без раздражения.

— Вот это мне уже нравится.

Он сел напротив.

— Тогда слушай. С этого момента всё будет по-другому. Симулятор — каждый день. Физика — без поблажек. Разбор телеметрии — до тех пор, пока ты не начнёшь видеть круг раньше, чем его едешь. Я найму нормальных людей. Не тех, кто отрабатывает часы, а тех, кто умеет собирать пилота под давление. И да, я сам буду заниматься этим лично.

— Ты?

— Я. И самое главное...

Он пододвинул к ней папку.

— Прочитай всё внимательно и выучи.

На столе лежали старые карточки, пожелтевшие копии заявок, распечатки таймингов, фотографии с детских картинговых уик-эндов, несколько медицинских форм, письма, конверты, регистрационные листы. Сверху лежала новая папка, ещё жёсткая, с чистыми пластиковыми файлами.

На корешке было написано: J. Adams.

У Джеки похолодели пальцы.

— Что это?

— То, без чего ты никогда не сядешь в машину официально, — ответил Роберт. — Легенда.

Он открыл папку и начал перекладывать листы медленно, почти педантично.

— Система не любит пустоту. Если в ней внезапно появляется человек без прошлого, она задаёт вопросы. Много вопросов. Значит, пустоты быть не должно.

Она смотрела на знакомые цифры и незнакомое имя.

— Джек... Адамс? Наш Джек?

— Джек, — сухо поправил он. — Не Джеки. Не Джаклин. Джек Адамс — парень, который не свалился с неба. У него есть младшие серии, частные тесты, картинговое прошлое, закрытые программы, пара не слишком ярких, но официально существующих сезонов и люди, готовые подтвердить, что да, видели или слышали о нём раньше.

Джеки провела взглядом по одному из листов — и окаменела.

Там было имя брата. Её голос сел.

— Ты взял его данные?

— Я взял то, что система однажды уже приняла, — сказал Роберт. — Старые картинговые регистрации. Тестовые ведомости. Несколько клубных уик-эндов, которые давно никому не интересны. Разрозненные следы, оставшиеся в архивах маленьких серий, где половина папок до сих пор хранится хуже, чем шины на складе. То, что когда-то было началом для него, стало каркасом для тебя.

Она смотрела на Роберта с короткой задержкой. Не тупо — пусто.

— Ты сделал из Джека меня?

— Нет, — ответил Роберт жёстче. — Я не подделывал твой талант. Его нельзя подделать. Я подделал только порядок, в котором он появился на бумаге.

— Что это значит?

— Это значит, что разрозненные тесты Джека стали программой развития. А случайные выезды — официальными сессиями.

Он посмотрел на неё сухо, почти без раздражения.

— Titanium заинтересовался не девочкой с грустной историей. Они заинтересовались пилотом, у которого по документам была лицензия, результаты телеметрии, опыт тестов, симуляторные протоколы и достаточно оснований, чтобы рискнуть.

— Подожди. А суперлицензия? — Джеки снова посмотрела на папку. — Ты ведь понимаешь, что для Формулы-1 недостаточно просто существовать на бумаге?

Роберт едва заметно усмехнулся.

— Наконец-то правильный вопрос.

Он достал ещё одну папку. На этот раз толще предыдущей. Внутри лежали копии протоколов, таблицы результатов, медицинские заключения и документы нескольких гоночных серий.

— У Джека была своя история. Не выдающаяся, не чемпионская, но вполне достаточная, чтобы не вызывать подозрений на первом этапе. Он выступал в младших категориях, проходил тесты, участвовал в соревнованиях. Часть результатов сохранилась в официальных протоколах.

— А баллы?

— Они числятся за ним. Как и сезоны, лицензии и результаты. Именно поэтому я говорю, что это не обычная подделка паспорта. Это целая биография, которую теперь придётся защищать. Джеки перелистнула несколько страниц.

— Но FIA всё равно должна была проверить документы.

— Должна. И проверяла. Национальная федерация подтвердила часть сведений, команда предоставила необходимые документы, а остальные вопросы закрывали люди, которым было выгодно не замечать несостыковок.

— Ты понимаешь, что если это вскроется…

— Понимаю лучше тебя. — Роберт забрал у неё папку и положил на стол. — И ещё одно. Документы не заставят машину ехать быстрее. Не помогут тебе пройти поворот на пределе сцепления и не спасут, если ты ошибёшься на торможении. Поэтому прежде чем ты выйдешь на старт, тебя проверят на трассе. Закрытые тесты. Полноценная программа. Не пять кругов для красивых фотографий. Тебе предстоит проехать дистанцию, показать стабильность, отработать торможения, настройки и работу с шинами. Инженеры будут смотреть не на твою фамилию, а на данные.

— И если я не справлюсь?

— Тогда вся эта история закончится, даже не начавшись. Он посмотрел на неё внимательно. — Я могу договориться о допуске. Могу открыть дверь. Но я не могу проехать за тебя ни одного круга. Джеки опустила взгляд на бумаги.

Он откинулся на спинку кресла и впервые за весь разговор устало выдохнул, прикрыв глаза ладонью.

— Слушай внимательно. Я не оживлял твоего брата. Я собрал для системы то, что она согласилась не перепроверять слишком глубоко. Сделал это потому, что по-другому тебя бы даже не подпустили к этой двери. Я знаю, на что иду. На что мы идём. Как минимум — это увольнение, штрафы и конец карьеры. Как максимум — уголовное дело. Ставка высокая.

Джеки перевела взгляд на бумаги.

— Угголовное? — спросила она еле слышно. — Как тогда это вообще возможно?

Роберт усмехнулся без веселья.

— Не всё в этом мире делается деньгами. Иногда достаточно, чтобы нужный человек слишком давно был тебе должен.

Джеки сцепила руки на груди и уставилась на него так, будто пыталась просверлить дыру.

— Значит, если кто-то всё-таки полезет в это...

— Тогда полезет не в гонщика, а в швы, — закончил Роберт. — И если швы начнут рваться, потянут за собой всё. Тебя, меня, команду. Теперь слушай главное.

Он наклонился вперёд.

— Джек Адамс должен быть осторожным. Без лишней биографии. Без деталей, за которые можно зацепиться. Спрашивают про прошлое — отвечаешь минимально. Всё как в этих бумагах. Никаких длинных ответов. Никакой сентиментальности. Никаких импровизаций. Твоё прошлое теперь не то, что ты помнишь. Твоё прошлое — то, что выдерживает проверку.

Она бессильно прошептала:

— Но ты использовал документы Джека.

— Да, — ответил он. — Использовал. Если хочешь меня за это ненавидеть — вперёд. Но я скажу тебе одну вещь, которую ты можешь не принять сейчас. Система не оставила бы тебе даже шанса проиграть честно. Она бы просто не допустила тебя до старта. Ни за какой талант. Так что да, я взял то, что от него осталось на бумаге, и превратил в твою точку входа.

Его глаза говорили то же, что и слова, — прямо и без пощады.

— Потому что иначе ты бы так и осталась девочкой, которая знает, как ехать наравне с мужчинами, но никогда не получит права это доказать.

Она не сразу коснулась обложки. Перед глазами вспыхнуло лицо брата: хмурый взгляд, острые плечи, вечная злость на самого себя.

— Он бы возненавидел нас за это, — выдохнула она.

Роберт впервые за весь разговор отвёл взгляд.

— Нет, — сказал он тише. — Он бы возненавидел только то, что талант снова оставили у стены смотреть, как едут другие.

Она закрыла глаза. В груди поднялся жар. Вина, страх и благодарность.

— Значит, теперь я еду не только за себя, — сказала она наконец.

— Теперь ты едешь так, как едут люди, у которых нет второго шанса, — отрезал Роберт.

Он подвинул к ней папку.

— Забирай и выучи. С этого момента забудь слово «если». Мы выходим на большую игру, и назад дороги нет.

Джеки положила ладонь на обложку. Тонкий пластик был холодным.

J. Adams.

Не Джеки. Не Джаклин. Но и не воздух.

Она медленно кивнула.

— Хорошо. Но не ради них. Ради себя. Ради папы. Ради Джека. Я должна ездить лучше. И я буду.

ГЛАВА 9

LAPS

Роберт не стал терять времени.

Через неделю настоящей базы, в понимании топ-команды, с заводским симулятором, полным штатом тренеров и бюджетом, в котором можно было прятать ошибки. Для Роберта это было невозможно. Зато появился арендованный ангар на окраине — холодный, гулкий, с бетонным полом, запахом пыли, старой проводки и резины.

Роберт спешно переоборудовал его под рабочую площадку. Добротный, хоть и не новый симулятор. Силовая зона. Монитор с телеметрией. Стойка с инструментами. Спортивный физиотерапевт, которого удалось выдернуть через нужных людей.

Роскошью это не было. Этого было достаточно, чтобы начать.

— Формула-1 — это не только скорость, — сказал Роберт в первый же день, глядя, как Джеки устраивается в кокпите симулятора. — Это реакция, концентрация и умение не рассыпаться, когда вокруг хаос. На трассе ты не успеваешь сначала испугаться, а потом принять решение. Всё должно происходить раньше страха.

Перед глазами у неё вспыхнула виртуальная трасса. Роберт стоял за спиной, следил за данными и говорил коротко, без сантиментов:

— Глаза выше. Не липни к апексу. Смотри туда, где машина будет через секунду, а не туда, где она сейчас. Хороший пилот не догоняет трассу. Он читает её заранее.

Он нажал кнопку, и на экране почти сразу возникла помеха: жёлтые флаги, резкое замедление машины впереди, сбитый ритм.

— Реакция, Джеки. Не дёргайся — уходи.

Она отреагировала быстро, но не идеально. Роберт глянул на цифры и поморщился.

— Поздно.

— Я ушла.

— Ты спаслась. Это не то же самое. Нам не нужна красивая нервная реакция. Нам нужна чистая.

В зале всё было ещё менее поэтично. Шея, корпус, предплечья, кардио, интервалы, баланс, дыхание, устойчивость. Не цирк с «шлемом и гирями», а скучная, тяжёлая, регулярная нагрузка, после которой к вечеру у человека остаётся одна мечта — упасть лицом вниз и не вставать.

Физиотерапевт объяснял спокойно:

— На высокой скорости у тебя не «отвалится голова», как любят говорить дилетанты. Но шея начнёт уставать, взгляд — плыть, руки — запаздывать. А в Формуле-1 запаздывание в полсекунды и есть ошибка.

Джеки тянула резину, держала изометрию, работала на баланс, на дыхание, на устойчивость корпуса. Пот стекал по спине, ладони жгло. Иногда она жаловалась, ругалась себе под нос, но продолжала.

Самым мерзким было то, что Роберт называл «шлифовкой головы».

Вечером он ставил перед ней панель с хаотично загорающимися точками, заставлял ловить ритм, сбивал порядок, менял темп, добавлял счёт в обратную сторону, шум, лишние звуки, параллельные команды.

— Не лови свет, — говорил он. — Лови закономерность. Реакция — это не только скорость руки. Это способность остаться ясным в беспорядке.

К концу дня Джеки иногда просто сползала на скамью и сидела, уткнувшись локтями в колени, пытаясь вернуть себе дыхание. Роберт заметил дрожь в пальцах, но виду не падал.

Иногда это было его версией милосердия. Он не любил хвалить. Не умел. Но видел, что она уставала, злилась, выдыхала, и всё равно ни разу не пожаловалась. Может, и правда вытянет, думал он.

Вслух говорил только:

— Завтра повторим.

После Спа имя Джека Адамса впервые прозвучало чуть громче, чем обычно позволял себе паддок в отношении к резервистам маленьких команд. Несколько спортивных сайтов выложили короткие заметки, кто-то назвал его неожиданным открытием уик-энда, кто-то — удачным совпадением. И почти сразу выяснилась странная вещь: информации о нём было подозрительно мало.

Не то чтобы совсем ничего. Наоборот, ровно столько, чтобы всё выглядело правдоподобно. Пара старых результатов в младших сериях. Несколько сухих упоминаний в таймингах. Фотографии плохого качества, где невозможно толком рассмотреть лицо под кепкой и тенью от козырька. Но чем внимательнее люди начинали искать, тем сильнее ощущалась пустота между этими следами.

Для обычного человека это не значило бы ничего. Паддок жил памятью. Здесь механики могли спустя десять лет вспомнить, кто разбил машину на дождевом тесте в Формуле-3, а журналисты иногда помнили состав юниорской серии лучше, чем дни рождения собственных родственников. Именно поэтому несколько человек почти одновременно поймали одно и то же странное ощущение. Они не могли вспомнить Джека Адамса. Не в смысле не знали. Хуже. Будто он когда-то проходил рядом, но никогда не оставлял настоящего следа.

Роберт предвидел это ещё до того, как Джеки впервые села в машину. Он слишком хорошо понимал, как устроен паддок. Здесь забывают аварии, но помнят фамилии из протоколов десятилетней давности. Поэтому пустоту он заполнял заранее — осторожно, без лишнего шума, ровно настолько, чтобы у истории появился каркас.

Где-то неожиданно находился старый механик, готовый пожать плечами и сказать:

— Да вроде был такой парень. Немного ездил по частным тестам.

Где-то в архивах всплывали результаты клубных уик-эндов, которые никто не открывал годами. Один журналист, копнувший чуть глубже остальных, получил от знакомого фотографа несколько старых снимков с подписью: «Кажется, это он». Не слишком чётких, не слишком полезных, но достаточных, чтобы сомнения снова стали выглядеть просто сомнениями.

Главное — Роберт никогда не позволял истории разрастаться настолько, чтобы её начали проверять всерьёз. Каждый неудобный вопрос он встречал либо спокойной конкретикой, либо лёгким раздражением человека, уставшего объяснять одно и то же.

А паддок, как любой большой спорт, удивительно не любил копаться глубоко, пока история приносила хорошие заголовки, очки и деньги.

Пока всё работало.

——— # ———

Венгрия встретила Гран-при неожиданно мягким утром. Над Хунгарорингом висел прозрачный воздух, будто ночной дождь смыл с него обычную июльскую тяжесть. Трасса лежала в чаше зелёных холмов — узкая, извилистая, нервная, из тех, где обгон почти всегда приходится вырывать не только темпом, но и терпением.

Для пилота это был не трек силы, а трек ритма. Если входишь в него правильно, он работает на тебя. Если начинаешь дёргаться — съедает.

Камеры искали лидеров, болельщики тянулись к ограждениям, логотипы в моторхоумах сияли так, будто у каждой команды за спиной был не бюджет, а маленькое государство.

И именно здесь, в дальнем углу бокса, стояла машина, которая через два дня должна была снова выйти на старт с пилотом Джеком Адамсом.

Рик на людях был доволен, почти сиял, но внутри оставался осторожным. Один сильный уик-энд в Спа ещё не делал из дебютанта гарантированный актив. Спонсоры любят сказки, но подписывают чеки за стабильность.

Внутри трейлера Роберт положил перед Джеки планшет со схемой трассы.

— Здесь не Спа. Тут не выиграешь за счёт одной смелости. Хунгароринг любит тех, кто умеет держать ритм. Ошиблась в начале связки — потеряла выход, а с ним и полкруга. Позиция стоит дорого, потому что обгонять тяжело. Сначала собираем уик-энд. Потом мечтаем.

Джеки подняла на него взгляд.

— Поняла.

— Нет. Повтори.

Она отрывисто выдохнула.

— Не геройствовать. Собрать ритм. Не отдавать позицию глупо, потому что вернуть её будет трудно.

Роберт кивнул.

— Уже лучше.

Она взяла планшет и, глядя на экран, сказала:

— Папа говорил, что дорога — это всегда диалог.

Роберт задержал на неё взгляд дольше обычного и только потом ответил:

— Тогда сделай так, чтобы она тебе отвечала.

Первый день оказался тяжелее, чем Джеки ожидала.

В Спа на её стороне был элемент неожиданности. От неё никто ничего не ждал. Здесь всё было иначе. Она уже не была разовым сюрпризом. На неё смотрели внимательнее. Ждали либо подтверждения, либо провала.

В FP1 она ехала осторожно. Слишком осторожно. Итог — восемнадцатое время. Для внешнего мира это звучало скромно, но в боксах паники не было. Пятничное утро для маленькой команды и не должно было быть фейерверком.

В FP2 трасса стала быстрее, а сама Джеки — спокойнее. Она прибавила на выходах, чище собрала второй сектор и закончила сессию четырнадцатой. Для Luminor это уже выглядело как намёк.

По радио Роберт сказал только:

— Неплохо. Завтра нужно точнее.

Утреннюю сессию она закончила тринадцатой. Без провала, но и без блеска. Именно так, как и нужно было болиду из середины второй десятки, если команда хотела прожить квалификацию не в режиме паники.

Перед выездом Роберт напомнил:

— Здесь стартовая позиция — половина гонки. Не разбрасывайся кругом.

В Q1 она проехала собранно и прошла дальше с одиннадцатым временем.

В боксах это уже заметили.

В Q2 сработали риск, трасса и её ритм. Круг получился не идеальным, но очень чистым, и этого хватило, чтобы протиснуться в Q3 последней — с десятым временем. Для Luminor Motors это было почти неприлично хорошо.

В финальной части квалификации она не переписала мир, но удержала десятую позицию. Никакого чуда в одну секунду — просто хороший, честный результат.

Именно это и было ценно.

У бокса впервые по-настоящему остановились журналисты. Посыпались вопросы, вспыхнули камеры. Один из пилотов, проходя мимо, улыбнулся и протянул ей руку:

— Хороший круг.

Она кивнула, ответила, как учил Роберт, но ждала другого. Йена.

В моторхоуме Titanium Racing всегда было шумно, но вокруг Йена оставалось свободное пространство. Не потому, что он требовал дистанции. Люди сами её держали. Слишком остро чувствовалось: для него гонки важнее всего остального.

С журналистами у него были отдельные отношения — точнее, почти полное отсутствие. Он терпеть не мог интервью. Не потому, что был застенчивым. Просто считал большую часть вопросов бессмысленным шумом вокруг работы. После гонок отвечал коротко, сухо и так ровно, что люди начинали нервничать сильнее, чем если бы он грубил.

У него было ещё одно качество, к которому никто так и не привык. Странное чувство юмора. Йен мог после жёсткой гонки посмотреть на разбитый нос машины и спокойно сказать:

— Ну, по крайней мере, аэродинамика теперь честно страдает.

Или, увидев, как молодой пилот трясётся из-за плохой погоды перед стартом:

— Не переживай. Статистически большинство из нас сегодня выживет.

Люди рядом сначала замирали, не понимая, шутка это или нет, а потом начинали смеяться слишком поздно.

Иногда Джеки замечала странные мелочи. Йен всегда благодарил механика, который снимал руль после финиша. Никогда не бросал перчатки на пол. Помнил имена младших инженеров. И при этом мог через пять минут уничтожить человека одним холодным разбором ошибки.

В нём не было жестокости ради удовольствия. Только абсолютная, почти нечеловеческая требовательность к себе и к другим. Он не выглядел как идеальный чемпион с сияющей улыбкой для камер. Он был человеком, который слишком давно подчинил свою жизнь скорости, и теперь всё остальное воспринимал как помеху между собой и секундомером.

Воскресенье. Гонка

Старт с десятой позиции для Luminor уже сам по себе был событием. Удержать это на Хунгароринге — совсем другая работа.

Перед выездом Роберт кинул только главное:

— Первый круг пережить. Шины не убить.

Она кивнула, спуская визор.

Красные огни погасли.

Старт вышел чистым. В первом повороте она не полезла в безумие, дала одной машине уйти шире, поймала выход и уже к концу первого сектора вернула потерянное. Впереди две машины сцепились в борьбе за позицию, одна потеряла темп, задела край другого болида и вышла из гонки.

Главное началось позже. На Хунгароринге редко дарят обгоны. Но трасса вознаграждает тех, кто умеет ехать длинную дистанцию без суеты. Джеки держала ритм, не рвала резину, аккуратно работала в трафике и к окну пит-стопов подошла в хорошем темпе.

Luminor сработала чисто.

Она выехала выше, чем ожидала. Потом ещё один болид впереди сошёл из-за технической проблемы. Ещё одна позиция пришла как подарок. К финальному отрезку Джеки шла шестой.

Пятая позиция казалась слишком нереальной, но гонка снова треснула в нужном месте. Один из лидеров второй группы откатился после неудачного пит-стопа, и она оказалась прямо за ним.

Обгон был не красивым и не киношным. Позднее торможение после хорошего выхода, длинная борьба бок о бок и чистый внутренний радиус в конце связки.

На последних кругах она уже не атаковала. Она защищала. Руки гудели, шея налилась тяжестью, спина была мокрой под комбинезоном, но машина всё ещё слушалась. И главное — Джеки слушалась себя.

Когда клетчатый флаг мелькнул над трассой, она пересекла линию пятой.

Для большой команды это был бы просто хороший день. Для Luminor Motors — один из лучших результатов за очень долгое время.

Паддок зашумел.

Комментаторы тут же подхватили историю:

— Какая гонка! Резервный пилот Luminor Motors выглядел так, словно гоняется здесь давно. Совершенно не напуган хаосом на трассе.

— Пятое место в таких условиях — это уже не случайность, — подхватил второй комментатор. — После Спа к Джеку Адамсу точно придётся присмотреться внимательнее.

Рик был в восторге и почти не умел это скрывать.

— Вот теперь пусть попробуют сказать, что это был разовый выстрел! — рявкнул он, хлопая по плечам инженеров, и тут же подключился к радио: — Шикарная работа, мой мальчик! Пятое место. Сегодня мы выглядим как долбаные рок-звёзды. Возвращайся, парень. Команда тебя ждёт.

Наконец Рик перестал орать ей в ухо. Улыбка Джеки от этого не исчезла, наоборот, стала шире, почти неудержимой, хотя лицо под шлемом было мокрым от пота, а тело держалось на одном упрямстве.

Роберт молчал дольше.

И именно это молчание выдавало его сильнее всего. Когда он наконец вышел на связь, голос у него был ровным, но слишком жёстким для человека, который на самом деле едва сдерживался.

— Неплохой заезд.

Она сняла ногу с газа уже после линии и только тогда поняла, как дрожат руки.

Йен финишировал впереди. Не рядом с ней, не на равных, но сегодня эта пропасть хотя бы получила очертания.

Мечта перестаёт быть фантазией не тогда, когда ты уже стоишь на вершине, а когда впервые перестаёшь бояться сделать шаг к ней. И, глядя сейчас на спину Йена, на счастливые лица его команды, она вдруг поняла: подняться с ним на один подиум больше не казалось невозможным.

Возле бокса Luminor Motors впервые за долгое время собралась толпа не из вежливости. Журналисты, фотографы, сотрудники пресс-служб, люди из других команд — все хотели увидеть нового парня из гаража, который снова привёз результат выше ожиданий. Но чем больше внимания, тем меньше права на ошибку.

Одна молодая журналистка протиснулась ближе всех и почти выкрикнула:

— Вы стартовали десятым и закончили пятым. Это уже не сенсация на один уик-энд. Как вы сами объясняете такой результат?

Джеки уже собралась ответить осторожно и правильно, как учил Роберт, но именно в этот момент мимо прошёл Йен.

Просто шёл со своей командой: с мокрой головой, чуть усталый и потный после гонки.

Он посмотрел на неё на долю секунды — почти случайно, почти мимо. А у неё внутри всё обвалилось так резко, что заготовленная фраза исчезла, оставив только пульс, жар и унизительную пустоту во рту.

Журналистка всё ещё держала диктофон.

Джеки открыла рот и вместо заготовленного ответа сказала:

— Думаю, нам просто очень не хотелось снова есть холодную пасту в тишине.

Журналистка засмеялась. Напряжение спало.

И Джеки впервые подумала, что иногда случайные фразы спасают лучше заготовленных.

После Венгрии история перестала быть локальной.

В Монце Джеки доехала девятой.

В Баку хаос с жёлтыми флагами, рестартами и тесными стенами сыграл ей на руку. Она снова избежала чужих аварий и финишировала седьмой.

В Сингапуре её накрыл первый настоящий сбой. Жара, влажность, длинная дистанция и постоянное напряжение сделали своё. К концу гонки она начала опаздывать на апексы, ошиблась под давлением и закончила в отбойнике. Авария вышла не страшной, но сход ударил по ней сильнее, чем она хотела показать.

В Лас-Вегасе всё было иначе. Холодный ночной воздух, скользкая трасса и город, который светился не для гонки, а для камер. Там её главной дуэлью стал Жан Дюбуа из Titanium Racing.

Они несколько кругов ехали почти в сцепке. Он — аккуратный, жёсткий на обороне, она — терпеливая, но всё более злая. На одном из поздних торможений Джеки нырнула внутрь, оставив себе ровно столько места, чтобы не собрать стену. Обгон получился острым, на грани, но чистым.

Финиш — шестая.

И заголовки вновь начали звучать уже не как милое удивление, а как вопрос, на который паддок обязан был отвечать всерьёз. Кто такой Джек Адамс?

Две последние гонки сезона она провела стабильнее, чем можно было ожидать от новичка. Ещё очки, ещё более спокойная работа, ещё один сорванный пит-стоп, который украл больше, чем она могла отыграть на трассе.

Но главное уже случилось. Luminor Motors перестали выглядеть посмешищем.

Под конец сезона Рик больше не сомневался. Сначала он ещё осторожничал, говорил про удачную полосу, правильное стечение обстоятельств, хорошо собранный пакет. Потом перестал. Очки — это язык, который он понимал лучше любых эмоций.

Вечером перед финальной гонкой он остался наедине с менеджером и сказал прямо:

— Подписываем на следующий сезон. Пока на наших условиях. Пацан не идеальный вариант, но он лучше тех, кто в последнее время не может привезти даже то, что машина им позволяет.

Для Рика это был бизнес. Для Роберта — расчёт. Для Джеки — воздух.

В паддоке тем временем крепло ощущение, что остановить Йена Эшфорда почти невозможно. Он был в своём пике, в той недостижимой точке, когда человек и машина сливаются в один организм. Йен давно перестал соревноваться с другими и ехал против секундомера.

Джеки смотрела на него снизу вверх.

Но теперь снизу — не значило неподвижно.

Она тоже была гонщиком. Не чемпионкой, не легендой, не человеком, которому уступают дорогу. Между ней и его подиумом всё ещё лежала пропасть. Но теперь она хотя бы понимала, что пропасть — это не стена. Это расстояние. А расстояния в гонках существуют для того, чтобы их сокращали круг за кругом.

Поздней ночью, сидя рядом с отцом в клинике, она рассказывала ему о трассах, болидах, перелётах, пит-стопах и людях, которых он когда-то знал только по телевизору.

Эдвард слушал молча. Иногда закрывал глаза. Иногда едва заметно сжимал пальцы на одеяле, когда она говорила про обгон или про позднее торможение.

— Пятая, пап, — тихо сказала она. — Представляешь?

Отец глядел на неё — стеклянные глаза оставались безучастными, словно глядели уже из другой комнаты. Брови хмурились, собирая тени, а потом губы предали его. Они дрогнули едва-едва, и в этом дрожании было всё, что он не успел и не мог сказать.

ГЛАВА 10

VISOR

Йен не умел отдыхать. Он просто менял один предел на другой.

Тёплая страна у океана, солнце, солёный ветер, волны, бьющиеся о берег. По утрам — доска и вода. Днём — друзья, скорость, прыжки, всё, что давало телу иллюзию свободы. Вечерами — музыка, алкоголь, женский смех и ощущение, будто следующий день можно не планировать, потому что он всё равно придёт слишком быстро.

Он сидел на песке в гидрокостюме, когда ему принесли телефон.

На экране высветилось имя, которое Йен никогда не игнорировал.

Крис О'Брайн.

Это был человек из той породы, что не стареет, а вызревает. Пятидесятилетний руководитель с аристократической осанкой и тёплой улыбкой, за которой всегда стоял острый ум. Власть он носил так же естественно, как старый твидовый пиджак, и все — от чемпионов до механиков — знали, что его уважение стоит больше, чем любой контракт.

Йен смахнул каплю воды с виска и ответил:

— Ты уже соскучился или решил проверить, не утонул ли твой чемпион?

На том конце послышался короткий смех.

— Если ты и тонешь, то так же красиво, как ездишь. Перейду сразу к делу. Через неделю у нас совещание по составу. Я хочу, чтобы ты присутствовал.

Улыбка на лице Йена осталась, но взгляд стал сосредоточенным.

— По составу? Звучит как предвестник дерьма.

— Не дерьма, а важного решения.

Йен замолчал, глядя на горизонт.

Крис для него был не просто начальником. Скорее человеком, которому он позволял себе доверять ровно настолько, насколько вообще был способен кому-то доверять.

— Ладно, — произнёс он наконец. — Через неделю буду. Но если ты снова нашёл мне красивую проблему вместо полезного напарника, первым услышишь это от меня.

— На это и рассчитываю, — ответил Крис. — Отдыхай, чемпион.

Звонок оборвался.

Йен положил телефон на полотенце. К нему уже неслись друзья с пивом и криками:

— Ну что, ещё раз?

Он поднялся нехотя, изобразил лень для виду и пошёл к ним.

Через неделю Йен вошёл в штаб Titanium Racing с той спокойной небрежностью, с какой другие люди заходят в собственную кухню.

Для постороннего это место выглядело бы почти устрашающе. Стекло, металл, дорогой камень, белый свет, тишина, в которой даже шаги звучали как часть общего ритма. Всё как у команды, давно привыкшей считать себя эталоном и не испытывающей нужды никому это доказывать.

Сотрудники двигались быстро и точно. Здесь не было суеты — только ритм. На стенах тянулись ряды фотографий: подиумы, победы, титулы. Лицо Йена было на многих.

Наверху его уже ждали Крис и ключевые люди команды.

За стеклом виднелся тестовый трек. На столе лежали папки, на экране светилась телеметрия. Даже в межсезонье команда не умела до конца выключать свой пульс.

— Ну здравствуй, чемпион, — воскликнул Крис, поднимая глаза от бумаг. — По тебе видно, что без нас ты не страдал.

Йен уселся напротив после рукопожатий и обязательных коротких фраз. В команде он был не просто чемпионом, а человеком, которому позволяли больше, чем другим. На его стороне были титулы, статус лица, на котором держалась львиная доля успеха Titanium Racing, и деньги его отца, чьё спонсорство когда-то вытащило команду в трудный момент. Такие долги в Формуле-1 не забываются.

— Я и сейчас не страдаю, — сказал Йен. — Что тут у нас? Новый кандидат на роль проблемы?

Крис не стал кружить вокруг.

— Жана мы не оставляем. Только как резервиста.

Йен кивнул, не как на новость, а как на подтверждение давно известного факта.

— Какое приятное начало!

— Нам нужен второй пилот, который будет приносить очки, а не драму. Не копия тебя, это всё равно невозможно. Но не балласт, который превращает вторую машину в мёртвый груз. Хватит юниоров. Мы поняли, что «потенциал» не всегда едет.

— Осторожнее, Крис. Так недалеко и до разумного решения.

Крис перевернул одну из папок и посмотрел на него внимательно.

— Что ты думаешь о новичке из Luminor? О Джеке Адамсе?

Йен откинулся в кресле.

— О мальчишке, вокруг которого все носятся, потому что он пару раз приехал выше ожиданий? Думаю, паддок, как всегда, слишком быстро влюбился в свежую историю. Таких любят ровно до первого нормального провала.

— Он не просто пару раз приехал, — спокойно возразил Крис. — Он стабильно выжимал из слабой машины больше, чем она должна была дать.

— Или оказался в нужное время в нужной точке.

Крис нажал кнопку на пульте. На экране вспыхнули данные: круги, сектора, темп по дистанции, сравнения.

— Ты ведь понимаешь, какая пропасть между тем, сколько мы вбухали в свою машину, и тем, сколько может позволить себе Luminor? И всё равно в Вегасе он прошёл нашего Жана так легко, будто новичком был не он, а Жан.

Рядом, чуть в стороне, сидели его верные люди. Нолан Ванхавербек — сухой, собранный, с лицом человека, который разговаривает цифрами. Артур Блейк — инженер старой школы, тяжёлый, цепкий, из тех, кто машине верит скорее руками, чем монитору. У стены молчал Оскар Далтон — гоночный инженер Йена, слишком внимательный, чтобы мешать, и слишком важный, чтобы случайно тут оказаться.

— Смотри не на заголовки, — сказал Крис. — На ритм.

Йен молчал.

Нолан вывел на экран ещё один график.

— Для дебютанта очень чисто. Минимум лишних коррекций на торможении. Неплохо контролирует износ. Не сыплется после ошибок. Для юниора это редкость.

Йен всё ещё смотрел на экран.

— И чего вы от меня хотите, раз уже так им восхищены?

Крис не улыбнулся, но в голосе появилась привычная твёрдость:

— Хочу, чтобы ты не отмахивался. Мы предложим ему тест на прошлогодней машине. На нашей трассе. Без прессы. Посмотрим, так же ли он эффективен в других условиях.

Йен наконец перевёл взгляд на него.

— Хорошо. Но не один красивый круг для соцсетей. Разовый темп, длинный отрезок, трафик, изменение условий, провокации по радио. Если он сломается, я хочу увидеть это пер-

вым, чтобы потом не видеть его рядом с собой. Ещё одного звиздюка, по которому визжат малолетки, я не вынесу.

Крис кивнул, как человек, который именно этого и ждал.

— Договорились.

Йен взял очки со стола.

— Устраивай. Если он быстрый — отлично. Если это шум вокруг удачного новичка — тоже отлично. Чем раньше поймём, тем быстрее избавимся.

Крис позвонил Роберту сам.

Тот слушал молча, не перебивая, но пальцы на столе сжались так сильно, что побелели костяшки.

— Мы впечатлены и хотим посмотреть на твоего племянника на нашей базе, — сказал Крис. — Без прессы и без лишнего шума. Прошлогодняя машина, закрытая программа. Посмотрим, как он ведёт себя в других условиях.

Роберт ответил моментально:

— Когда?

— Через неделю.

Роберт ещё какое-то время сидел с телефоном в руке, глядя в тёмный экран. Он думал, вот оно. Проверка, после которой либо открывалась следующая дверь, либо захлопывались сразу все.

Он слишком хорошо понимал цену этой недели. Для Luminor Джеки была удобной историей. Для Titanium — потенциальным материалом. Если провалится, её забудут и быстро вычеркнут. Выдержит, правила игры изменятся.

И он сам выйдет на другой уровень.

В тот же вечер Роберт нашёл её в тренировочном ангаре. Она отрабатывала реакцию на панели.

Он посмотрел на неё и сказал только:

— Хватит. Есть разговор.

— Ещё пять минут, — выдохнула она, не оборачиваясь.

— Через неделю мы едем на тест к Titanium Racing.

Рука соскользнула с панели. Джеки обернулась так резко, словно её облили ледяной водой.

— Что?

— Крис О’Брайн хочет посмотреть тебя на трассе. За рулём их болида.

Она молчала, а потом спросила — неуверенно, но с упрямой попыткой звучать твёрже, чем чувствовала себя внутри.

— Йен там будет?

Роберт посмотрел на неё внимательно.

— Скорее всего. Если Эшфорд для тебя проблема, реши это сейчас, а не в день теста. Им нужен сильный напарник. Если ты собираешься смотреть на него снизу вверх и дрожать, как трусливый заяц, шансов у тебя уже нет.

Она сжала губы. Страшно ей было не потому, что она сядет в чужую машину. И не потому, что рядом окажется команда-чемпион. Страшнее всего было то, что её наконец увидят люди, которым всё равно на романтические версии таланта. Они посмотрят и либо признают, либо срежут.

— Я не знаю, смогу ли, — честно сказала она.

Роберт подошёл ближе, ткнул пальцем в сторону её ключицы и уверенно сказал:

— Сможешь. Потому что другого выбора у нас нет.

Он вложил в эту авантюру всё, что мог: деньги, связи, время, собственную нервную систему. Продал одну машину, урезал всё, что ещё можно было урезать, расширил программу,

добавил тренера по работе под давлением, поднял объём на симуляторе, заставил её жить не по дням, а по сессиям. Всё это теперь слилось в одну прямую линию — к воротам Titanium Racing. И если он всё равно рискует, пусть хотя бы рискует не за мелочь, а за настоящую ставку.

База встретила их холодным сиянием стекла и металла — тем особым блеском, в котором отражается не столько свет, сколько амбиция. Машина стихла, и тишина вокруг показалась выверенной.

Когда они вышли, Джеки почувствовала, как в ногах зарождается предательская дрожь.

Их встретили несколько человек: сдержанные, точные в жестах, будто заранее отрепетированные. Без лишних слов они провели их внутрь, туда, где всё становилось ещё тише и значительнее.

Крис встретил их радушно, но так, что проверка никуда не исчезла.

— Рад видеть, Роберт. Джек, — он коротко кивнул. — Сегодня без пафоса. Работаем, смотрим, делаем выводы. Вдруг мы друг другу понравимся.

Посреди бокса стоял болид прошлого сезона.

Ей объясняли режимы, особенности торможения, характер машины, точки, где она любит наказывать. Инженеры говорили быстро, по делу. Никто не считал нужным смягчать материал.

Крис смотрел на парня напротив и всё ещё не мог решить, что именно испытывает к этому худощавому парню. Он не любил такие истории. Они пахли проблемами. Но в Titanium сейчас и без него проблем хватало.

Второй пилот провалил сезон. Академия тоже не спасала. Там были красивые мальчики с милыми улыбками, выученными фразами для прессы и отчаянной способностью ехать быстро ровно до того момента, пока машина не становилась трудной. Потом начинались ошибки, истерика по радио и бесполезная обратная связь уровня: «она ведёт себя странно».

Сеньоров брать больше не хотели. Слишком много эго, слишком много условий, слишком много старых обид, которые каждый приносил с собой вместе с менеджером, юристом и личным представлением о том, сколько ему должна команда.

Руководство хотело новую кровь. Не звезду на закате. Не ветерана, которому надо обещать статус. Не очередного медийного мальчика, который сгорит рядом с Йеном за три гонки.

Им нужен был голодный пилот.

Управляемый, дешёвый, злой до результата и достаточно умный, чтобы слушать инженеров.

Пока Роберт говорил о сессиях и лицензии, Крис всё чаще возвращал взгляд на Адамса.

На первый взгляд — ничего особенного. Узкие плечи, кепка, слишком сдержанное лицо. Не тот тип, которого хочется сразу поставить на постер рядом с болидом. Но данные были упрямыми. Адамс не блистал как чудо. В этом и была проблема. Чудес Крис не боялся, он им просто не верил. Этот ехал иначе. Неровно начинал, быстро учился, держал темп, когда резина уходила, и давал инженерам не эмоции, а информацию.

И в какой-то момент, не поворачивая головы, он задумчиво спросил:

— Кстати, почему вы зовёте его Джеки?

Роберт ответил спокойно, не моргнув:

— Семейное. С детства прилипло.

Крис задержал взгляд на ней чуть дольше необходимого, а потом быстро кивнул.

— Ясно. Джеки так Джеки.

Джеки искренне обрадовалась, когда кто-то из механиков сказал, что Йен уже закончил свою часть программы и уехал.

Слава богу, подумала она.

Если бы он стоял прямо здесь, она, возможно, и правда потеряла бы половину головы ещё до первого круга. Но она не знала, что Йен не уехал. Он поднялся на второй этаж, в наблюдательную комнату над боксами, надел наушники и сел перед мониторами.

Он не собирался ничего пропускать.

Первый выезд был аккуратным. Не трусливым, именно аккуратным. Она вывела машину на трассу, пережила первые повороты, не дала болиду сломать себе ритм и привезла достойное время. Далёкое от эталона Йена, но слишком чистое, чтобы его можно было списать на удачный вдох.

— Траектория ровная, скорость держал, — коротко сказал Артур, глядя в цифры.

— Неплохо, — буркнул Нолан.

На втором этаже Йен сидел молча, скрестив руки.

Первый круг его не впечатлил. Второй заставил смотреть внимательнее.

На втором выезде Джеки уже лучше поняла переднюю ось, чище собрала быстрые связки и резче поехала на выходах. Она всё ещё оставалась заметно медленнее Йена, и это было нормально, иначе тест превратился бы в неправдоподобную сказку. Но разрыв уменьшался не хаотично, а осмысленно.

— Ещё раз, пожалуйста, — сказал Крис.

На этот раз ей дали не просто круг, а отрезок.

— Джек, меняем план. Остаёшься на трассе ещё пять кругов, — сказал инженер по радио. — Цель — стабильность. Не время.

— Принял.

Через круг:

— Жёлтый в третьем секторе. Сбрось темп. После линии — режим семь.

— Хорошо.

На следующем круге команда специально изменила:

— Бокс, бокс… Нет, отмена. Остаёшься. Повторяю, остаёшься.

Она едва не сорвала вход в поворот. Руки хотели дернуться, но Джеки удержала их, выругалась сквозь зубы и вернула машину в ритм.

— Спокойно, — сказал голос в радио. — Продолжаем.

Ей дали изменение баланса, короткие радиопомехи, виртуальный сейфти-кар, имитацию позднего решения по боксу. Не жёстко, но достаточно, чтобы посмотреть, где у человека треснет внимание.

Она не треснула.

Да, ошиблась в одном торможении. Да, широко вышла из последнего поворота на одном круге. Да, потеряла пару десятых там, где опытный пилот не потерял бы ничего. Но главное команда увидела: она не разваливалась под нагрузкой.

Когда болид закатили в бокс, воздух загустел до смолы.

Крис подошёл к ней первым.

— Хорошая работа, — сказал он. — Очень хорошая. Я доволен. Мы обсудим всё внутри команды. Решение получите не сегодня, но и ждать долго не придётся.

Рядом кто-то из механиков протянул руку:

— Для первого раза крепко.

Другой хлопнул её по плечу уже без прежней снисходительности:

— Ты нас удивил.

На втором этаже Йен снял наушники и положил их на стол. Крис вошёл к нему через несколько минут.

— Ну?

Йен не сразу ответил. На экране всё ещё стояла телеметрия её длинного отрезка.

— Он должен был сломаться раньше, — произнёс он наконец. — Но не сломался.

Крис едва заметно улыбнулся.

— То есть?

Йен посмотрел на него с лёгким раздражением.

— Крис, у нас чемпионский проект. Зачем снова разбавлять его ещё одним щенком?

Крис не ответил. Только приподнял бровь в немом требовании. Оба перевели взгляд на монитор.

Йен помолчал.

— Сырой, — сказал он наконец. — Очень сырой. Слишком заметно, где бережёт себя. Иногда теряет время там, где надо доверять машине и жать на газ. После зимних тестов станет яснее. Но...

Он снова посмотрел на график.

— Этот пацан не случайность.

Через две недели паддок уже гудел. Слухи поползли быстрее, чем команда успевала их гасить.

Titanium Racing смотрит парня из Luminor .

Titanium хочет дебютанта.

Они опять ставят на новичка?

Телефон Роберта разрывался. Когда высветилось имя Рика, он почти заранее знал, каким будет разговор.

— Ты издеваешься? — заорал тот без всяких приветствий. — Это правда? Ты за моей спиной водишься с Titanium?

Роберт молчал, давая ему выговориться.

— Это я вытащил вас из грязи! — продолжал Рик. — Без меня твой племянник до сих пор таскал бы ящики по паддоку. Я дал ему машину, шанс, имя внутри команды, а ты теперь бежишь к тем, у кого кошелёк толще?

Когда поток злости иссяк, Роберт ответил спокойно:

— Ты сделал то, что считал выгодным для себя. И я это ценю. Но теперь я делаю то, что выгодно нам.

На том конце несколько секунд было только злое дыхание. Потом короткий удар, будто Рик хлопнул ладонью по столу, и связь оборвалась.

Роберт убрал телефон и повернулся к Джеки.

— Теперь наша игра официально стала опаснее и дороже.

ГЛАВА 11

GARAGE

Официальное объявление вышло утром и к полудню уже разошлось по всему паддоку.

Titanium Racing подписывает Джека Адамса.

Сначала в это не поверили. Потом начали перешёптываться. Потом — читать внимательно.

Слишком резкий переход из Luminor в команду такого уровня. Слишком красивая история, чтобы в ней не искать подвох. Но пресс-служба Titanium сработала безупречно. Никакой сказки про чудо, никаких громких обещаний, никакого дешёвого пафоса. Только сухая формулировка — однолетний контракт с возможностью продления, роль боевого пилота, оценка по результатам сезона.

Рик бесился, но противопоставить мог только обиду. Компенсацию Titanium заплатили без спора.

Зал был залит светом. Камеры, журналисты, официальные лица, экраны, логотипы, вспышки. Джеки стояла в строгом тёмном костюме, волосы были собраны в аккуратные брейды, лицо спокойное — ровно настолько, насколько это вообще возможно, когда в груди грохочет сердце.

За столом сидели Крис, представители совета команды и юристы.

Озвучивали условия. Срок — один сезон. Продление — по решению команды и при взаимном согласии. Оценка — по результатам, дисциплине, коммерческой и спортивной пригодности. Обязательная программа адаптации, медиа-обязательства, закрытые тесты, согласованный круг внутренних специалистов.

Роберт не стал пытаться продавить невозможное. Он не мог стать гоночным инженером в команде такого масштаба — это выглядело бы абсурдно. Радио и трековая работа оставались за Уиллом Майлзом и штатной группой Titanium. Но для Джеки удалось выбить то, что действительно имело смысл. Роберт входил в её адаптационную программу как внешний консультант по развитию пилота на переходный период, с доступом к разборам, симулятору и физической подготовке. Люси оформляли как персонального ассистента по логистике и бытовому сопровождению. Этого уже было очень много.

Когда Джеки надела поверх рубашки командную куртку Titanium Racing, ткань легла на плечи иначе, чем форма Luminor. Чёрно-серебристые цвета выглядели дороже и беспощаднее. Старый мир Luminor не исчез в ту же секунду, но отступил. Очень далеко.

Первое интервью нового пилота Titanium Racing ждали почти так же жадно, как его первый официальный выезд. Всем хотелось посмотреть, кого именно команда вытащила из Luminor и во что теперь попытается его превратить.

— Скажите, Джек, как прошла ваша ночь перед таким важным днём? Удалось поспать, или волнение всё-таки не дало?

Джеки моргнула, неловко поправила микрофон и чуть растерянно улыбнулась.

— Как я спал? Э-э… вообще я проснулся раньше будильника. Это, наверное, тревожный знак, да? Потом съел сэндвич. Вот. — Она на секунду замялась и виновато посмотрела в зал. — Простите, а какой был третий вопрос?

По комнате прошёл лёгкий смех — не ехидный, а тёплый. Слишком искренне это прозвучало, слишком не похоже на выученную медийную фразу.

— Джек, мы вас все поздравляем. Что вы сейчас чувствуете после подписания контракта с такой большой командой? — спросила одна журналистка.

Джеки улыбнулась чуть неровно.

— Чувствую, что мой желудок сейчас проходит куда более нервный круг, чем я сам на тестах. И, пожалуйста, зовите меня Джеки.

Второй вопрос прилетел сразу:

— Джеки, многие считают ваш контракт очень смелым шагом со стороны Titanium. Что вы отвечаете тем, кто видит в вас риск?

— Формула-1 вообще не производит впечатления места, где все дружно молятся на безопасность, — неловко улыбнулась Джеки. — Так что, если я здесь главный риск, то хотя бы тематически всё сходится.

Опять смешки. Камеры вспыхнули чаще.

— Вас уже сравнивают с молодыми звёздами прошлых лет. Вам льстит это?

Она склонила голову.

— Льстит, но я бы предпочёл остаться собой.

На последних словах даже часть старших журналистов улыбнулась. Позже эта фраза стала самой цитируемой.

— Что вы можете пообещать болельщикам прямо сейчас?

Джеки замолчала на пару секунд, потом сказала:

— Побед я обещать сразу не буду. Это было бы слишком дёшево. Но могу обещать, что просто кататься по трассе ради красивой картинки не собираюсь. А если уж что-то пойдёт не так, то мои ошибки как минимум будут зрелищными.

Эта реплика ушла в ленты почти сразу.

Позже, уже вечером, на другом конце города, где свет витрин дробился о влажный асфальт, Йен рассеянно листал новости. Изображения скользили мимо, не задерживаясь в памяти, пока среди них не мелькнуло лицо нового напарника.

Он остановил ленту.

Посмотрел фрагмент интервью. И впервые за долгое время почувствовал к очередной новости не раздражение, а нечто ближе к любопытству.

Следующим этапом стало официальное представление нового состава перед прессой, партнёрами и людьми из FIA.

Зал сиял светом. За длинным столом уже сидели руководители, инженеры, представители спонсоров. По бокам — журналисты. У стены — механики, сотрудники, молодые аналитики, которым тоже было интересно посмотреть на человека, из-за которого весь шум.

Джеки стояла в новой форме Titanium, и ткань на плечах казалась тяжелее, чем должна была. Рядом были Роберт и Люси. Чуть дальше — Крис.

Потом вошёл Йен. Он не повысил голоса, не улыбнулся камерам, не сделал ни одного лишнего движения, и всё же комната подчинилась ему раньше, чем он успел дойти до своего места.

Репортёры чуть выпрямились. Кто-то оборвал фразу на середине. Кто-то поспешно убрал телефон, словно поймал себя на неподобающей небрежности. В воздухе появилась та особая плотность, которая возникает не перед знаменитостью, а перед человеком, за которым стоит результат, деньги, власть команды и право быть первым.

Йен коротко кивнул Крису, пожал руки нескольким людям, принял это внимание спокойно, почти скупо, как нечто давно положенное ему по рангу. И только потом его взгляд скользнул по лицу Джеки. Всего на секунду — без тепла, но и без вражды.

Просто взгляд человека, который уже видел достаточно, чтобы больше не списывать её на случайность, но ещё не решил, стоит ли она его времени и уважения.

После официальной части у них возникло несколько минут без камер.

Джеки стояла слишком прямо, потому что иначе начала бы выдавать волнение пальцами. Подойти или нет — вопрос не стоял. Если она хочет быть его напарником, а не фанаткой, пора было хотя бы научиться говорить первой.

Фанатки ждут взгляда. Напарники делают шаг сами.

— Эм… можно тебя на минуту?

Йен посмотрел на неё спокойно.

— Да. Говори.

Все слова, которые нормально звучали в голове, внезапно стали нелепыми. И всё же она заставила себя не отступить.

— Я хотел сказать спасибо. За честную оценку моего теста. Мне Роберт передал.

Йен чуть прищурился.

— Ты думаешь, это было из доброты?

— Нет, — ответила она после короткой паузы. — Но всё равно спасибо.

Его это, кажется, слегка удивило.

— Не благодари за то, что тебе просто дали работу. Благодарят за поблажки. Здесь их не будет.

Йен даже не попытался смягчить удар.

Она подняла подбородок, изо всех сил сохраняя невозмутимый вид. Внутри же всё было куда честнее: «*Боже, он разговаривает со мной. Со мной. О работе. О нашей работе.*»

— Я и не прошу.

Уголок его рта дрогнул.

— Уже лучше. Значит, мы сработаемся.

В коридор их вывела пресс-служба, и тут же по глазам ударили вспышки. Камеры защёлкали, журналисты закричали, кто-то позвал их по именам.

Йен наклонился к ней едва заметно и сказал почти беззвучно:

— На ближайшие десять минут мы — образец цивилизованности. Улыбаемся, машем, жмём руки и делаем вид, что мы самые счастливые напарники в истории спорта.

Он улыбнулся наглой, идеально поставленной улыбкой и положил руку ей на плечо ровно настолько, насколько требовал кадр.

— А потом можешь продолжить трястись, — добавил он сквозь улыбку. — Но, пожалуйста, перестань светиться так, будто выиграл лотерею. На твоём фоне я выгляжу как человек, которому сообщили о смерти любимого кактуса.

Она едва не рассмеялась вслух.

— У тебя был любимый кактус?

— Нет. Но, судя по лицам журналистов, трагедия была бы убедительной.

Фотографы продолжали кричать их имена. Йен чуть крепче сжал её плечо, разворачивая к нужной камере. Жест был техническим, почти рабочим. Для него — кадр, для неё — удар тока под кожу.

Джеки улыбалась. Слишком широко, но впервые за день это была не паника, а почти счастье, опасное именно тем, что его было трудно спрятать.

В два часа ночи она лежала на спине и смотрела в потолок, будто там мог появиться ответ, знак или хотя бы инструкция, как пережить сегодняшний день и оставаться профессионалом.

Одеяло сбилось к ногам. Тело устало, но расслабиться не выходило. День крутился в голове по кругу: контракт, вспышки, вопросы, куртка Titanium, голос Криса, пальцы Люси на воротнике, тяжёлый взгляд Роберта.

И всё равно, как бы она ни пыталась думать о главном, возвращалась к Йену.

Снаружи — идеальный протокол. Он сжал её плечо, тряхнул руку, растянул губы для камер. А она дышала через раз, потому что его взгляд — короткий, как удар под дых, — делал воздух густым и ненужным.

Она тихо усмехнулась в темноте и прикусила губу. *Господи, Джеки. Серьёзно?*

После этих тяжёлых взглядов, будто она случайность, — она всё ещё могла лежать в темноте и думать о нём так глупо. Так жарко. Так стыдно, что хотелось отвернуться даже от самой себя.

Фантазия подползала ближе. Почти невозможная. Внутри снова просыпалась та девчонка из паддока — с мокрым пятном на одежде, сбитым дыханием и памятью, где навсегда застрял его голос.

Она закрыла глаза. Сегодня можно. На несколько минут — можно. А завтра Йен Эшфорд снова станет для неё напарником, чемпионом, чужой высотой, рядом с которой нельзя дрожать. Но сейчас он был только её невозможной мыслью в темноте. И, наверное, самое страшное было не в том, что она мечтала о нём. А в том, что впервые ей захотелось не дотянуться до кумира, а стать такой, чтобы он однажды посмотрел на неё без снисхождения — как на равную.

ГЛАВА 12

START

Сезон Формулы-1 начинался в Австралии.

Так было не всегда, но в последние годы Мельбурн и Альберт-Парк прочно закрепились в сознании паддока как место первого удара сердца. Здесь после длинной зимы машины снова оживали, люди снова начинали лгать себе, что всё под контролем, а чемпионат впервые за год становился не ожиданием, а фактом.

Сквозь иллюминатор открывались полосы золотого песка, тёмная зелень, океан, вспыхивающий бирюзой, и длинные дороги, уходящие сквозь выжженные пространства.

Рядом были уже не люди из полуголодного гаража Luminor, не вечная беготня на вторых ролях, не случайные бейджи и не дрожь от мысли, что тебя в любой момент попросят выйти вон. Рядом летели инженеры, пресс-менеджеры, физиотерапевты, люди из операционного состава Titanium Racing. Бизнес-класс, фирменная экипировка, персональные папки с уик-эндом.

Джеки смотрела на эмблему Titanium на своей куртке и всё равно не могла до конца поверить, что это не ошибка в системе.

У выхода из аэропорта их ждали фанаты.

Плакаты, крики, камеры, телефоны, флаги. Для большинства такая встреча была давно привычной. Для Джеки — первой в жизни, на которой часть людей пришла не просто смотреть на команду, а ждать её тоже.

Она чуть замедлила шаг. Роберт едва заметно подтолкнул её.

— Улыбайся. Это больше не побочный шум. Это часть твоей работы.

Она улыбнулась сначала неловко, потом увереннее, махнула рукой, поймала чей-то крик: «Джеки!» — и от этого внутри что-то нелепо, по-детски подпрыгнуло.

Люси шла рядом, собранная и внимательная.

После договора с Робертом и озвученных условий Люси вжилась в роль так быстро, будто всю жизнь была менеджером пилота Формулы-1. Она работала внимательно, жёстко и почти пугающе тщательно, так что Джеки не раз думала, не занималась ли Люси этим раньше, но та только сухо отвечала: *за такие деньги нужно отрабатывать каждый фунт по совести.*

Джеки наклонилась к ней и спросила почти шёпотом:

— Люси… а где Йен? Я его не видела. Он не с нами летел?

Люси фыркнула, даже не пытаясь скрыть интонацию.

— Дорогая моя, это другой уровень капризов. У чемпиона свой самолёт, своя орбита и, подозреваю, паста без соли по личному контракту. Неужели ты думала, что он будет тащиться в общем салоне вместе с нами?

Джеки слабо улыбнулась, но внутри кольнуло.

Отдельный самолёт. Отдельный мир.

Даже теперь, в тех же цветах команды, она всё равно чувствовала, что между ними не просто разница в статусе, а расстояние другого порядка.

Паддок в Альберт-Парке шумел с самого утра. Но внутри гаража Titanium Racing шум был другим. Здесь всё двигалось с той сдержанной точностью, которая пугает сильнее хаоса. Люди не бегали — шли быстро. Не спорили громко — резали фразы коротко. Не суетились — работали.

У Джеки сразу возникло ощущение, будто она вошла не в гараж, а в организм, который давно научился избавляться от всего лишнего. И сейчас этим лишним рисковала стать она.

Первое столкновение с новой реальностью произошло ещё до выезда на трассу.

В четверг вечером, после стандартных медиа-обязанностей, Джеки задержалась в боксе дольше остальных. Её машина стояла почти собранной, вокруг работали двое механиков, инженер по системам и Хью Мерсер — старший механик второй стороны гаража, человек с лицом, на котором, казалось, с рождения был написан скепсис.

Он относился к ней с той вежливой прохладой, которая хуже открытого хамства. Не грубил, не подставлял, но всем видом показывал, что в его иерархии мира такие, как она, появляются в топ-команде не по законам спорта, а по прихоти людей наверху.

— Не стой под ногами, — бросил Хью, даже не глядя на неё. — Это не музей.

Джеки уже собиралась отойти, когда заметила на столе лист с настройками охлаждения тормозов и базовыми параметрами по уик-энду.

Взгляд зацепился за цифры. Потом за подпись.

Она нахмурилась.

— Это ведь базовая спецификация Йена? — спросила она.

Хью наконец поднял голову.

— И что?

— Я так не еду.

Механик улыбнулся так, что это и улыбкой нельзя было назвать.

— Все новички в первый день думают, что знают, как они поедут.

Она не отвела взгляд.

— У меня другая работа с тормозом на входе. Если оставить такой уровень охлаждения и такую базу по балансу, передняя ось начнёт жить отдельно от меня. К концу длинной серии поворотов я потеряю ритм.

На секунду в боксе стало тише. Инженер по системам недовольно посмотрел сначала на неё, потом на лист.

— Это стандартная отправная точка.

— Для него, — отрезала Джеки. — Не для меня.

Хью уже хотел ответить, но рядом появился Уилл Майлз.

— В чём шум?

Инженер коротко объяснил. Уилл взял лист, выслушал Джеки до конца, не перебивая, и спросил спокойно:

— На каком участке ты это чувствуешь первым?

— На длинных входах в третьем секторе, — ответила она сразу. — И на позднем торможении, если температура начнёт расти. Мне придётся беречь передок там, где не надо, а потом я потеряю выход.

Уилл задумчиво рассматривал её несколько секунд.

Потом он сказал Хью:

— Проверьте альтернативу. На один шаг. И подготовьте второй вариант.

Хью недовольно дёрнул челюстью, но спорить не стал.

Когда он ушёл, Джеки услышала за спиной его сухое:

— Посмотрим завтра, умник.

Так началась её первая война внутри нового гаража.

Позже, уже в одном из внутренних коридоров паддока, она увидела Йена.

Он шёл навстречу быстро, как всегда, в тёмных очках, командной куртке на плече и с телефоном в руке. Джеки остановилась, и они оказались лицом к лицу.

Йен скользнул по ней взглядом сверху вниз — спокойно, почти лениво.

— Ну что ж, — сказал он. — Тебя всё-таки пустили внутрь. Я думал, на входе кто-нибудь одумается.

— У охраны оказался вкус лучше, чем у некоторых.

Слишком долго она репетировала перед зеркалом, как будет говорить с ним спокойно. Сейчас это почти помогало.

Йен слегка прищурился.

— Дерзишь с первого дня?

— Разговариваю.

Он шагнул ближе, и голос его стал тише.

— Запомни одну вещь. Контракт не равен месту в команде. Тебе выдали форму, но это ещё не значит, что тебя приняли. Докажи, что ты здесь не для красивого пресс-релиза.

Она подняла подбородок.

— Этим и займусь.

Уголок его рта дрогнул, но улыбкой это не стало.

— Посмотрим.

Он прошёл дальше, как мимо пустого места.

Свободные заезды

Утром в Альберт-Парке пахло не просто морем и землёй. Там пахло началом гонки. Сырой асфальт, соль с залива и прелая листва смешались в один напряжённый, свежий воздух, от которого щипало в носу.

На экранах впервые рядом с её именем стояло Titanium Racing, и от одного этого хотелось зажмуриться.

Первый выезд длился недолго.

На третьем круге машина дёрнулась на торможении и повела себя так, будто действительно пыталась вырваться из рук. Передняя ось не давала того, что нужно, зад нервничал на входе, тормоза перегревались быстрее, чем ожидали по базовой модели.

— Джеки, отчёт по балансу, — прозвучал голос Уилла по радио.

— Нервная на торможении. Передок уходит раньше, чем должен, — ответила она, стараясь держать голос ровным.

— Принято. Режим пять. Ещё круг и в боксы.

На следующем круге заднюю часть повело сильнее, и только быстрый контроль спас её от разворота. Она поймала машину почти на инстинкте, слишком резко выдохнула и услышала, как Уилл сказал:

— Хорошо. Мы видим, возвращайся.

В боксах всё сразу стало тихо. Инженеры окружили машину, телеметрия вспыхнула на экранах. Хью выругался себе под нос, увидев температуры тормозов, и уже без прежней усмешки бросил:

— Ладно. Меняем.

Джеки вылезла из кокпита, тяжело дыша. Камеры, разумеется, всё тут же поймали.

Квалификация

К вечеру машину сделали лучше, но не идеальной. Она всё ещё оставалась жёсткой, колкой, слишком чувствительной к мелким ошибкам. Просто теперь это был не дикий зверь, а зверь, которого хотя бы можно было предсказать.

В квалификации Джеки с самого начала ехала на нервах. Не от страха скорости, а от масштаба ожиданий. Здесь никто не был впечатлён тем, что она доехала. Здесь ждали, что она сразу впишется в ритм команды, привыкшей смотреть только вперёд.

В Q1 она прошла дальше без блеска, но уверенно.

В Q2 собрала хороший круг, но чуть потеряла на выходе из последней связки, и этого хватило только для тринадцатого результата.

Не провал и не успех. Где-то посередине.

Когда она вернулась в бокс, то подумала, что Рик из старой жизни, наверное, был бы счастлив. Или злорадствовал бы вслух, чтобы все услышали.

Уилл сказал только:

— Если бы не последний сектор, было бы лучше. Но главное — мы уже понимаем, где машина тебя кусает.

Она кивнула, стянула перчатки с дрожащих пальцев и ничего не ответила.

Потому что внутри было только одно.

Этого мало.

Гонка

Воскресенье пришло с солнцем, криками трибун и тем холодом внутри, который не имеет отношения к погоде.

Джеки нервничала не потому, что боялась скорости. Её злило другое. Она всё ещё не могла подчинить себе эту машину. На стартовой решётке всё казалось слишком ярким по сравнению с её настроением: краски, болиды, флаги, камеры, люди. В этой яркости пряталась жестокая простота спорта — сейчас погаснут огни, и всё, что было до этого, перестанет иметь значение.

Огни погасли — и всё, что секунду назад было страхом, шумом и ожиданием, стало скоростью.

На первых кругах всё снова пошло жёстко. Тормоза не выходили в идеальное окно, на длинных входах машина упиралась, как будто спорила с ней на каждом метре. Но Джеки уже знала это поведение лучше, чем в пятницу. Не контролировала полностью, но понимала.

— Не воюй с ней, — голос Уилла в наушниках был ровным и жёстким. — Подстраивай темп на входе, не ломай выход.

— Ладно, — ответила она, хотя внутри процедила совсем другое.

Её бесило, что он говорит очевидное. Ещё больше бесило, что он прав.

Гонка вышла грязной, неровной. Несколько машин впереди запутались в стратегии, кто-то потерял время в трафике, кто-то недооценил износ.

На двадцать седьмом круге её снова повело на торможении. На этот раз она не стала спорить с машиной, отпустила чуть раньше, пожертвовала входом и забрала выход. Потеряла меньше, чем потеряла бы в борьбе с упрямым передком.

— Вот так, — сказал Уилл. — Это оно.

На последних кругах она уже не думала о дебюте, контракте, Йене или прессе. Только о машине, резине, тормозах и точках, где нельзя было позволить себе ещё одну лишнюю эмоцию.

К финишу она приехала десятой. Одно очко.

Для дебюта в топ-команде — формально не провал. Для её собственных ожиданий — пощёчина. Особенно рядом с Йеном, который принёс команде все двадцать пять.

Она сняла шлем уже в боксе и только тогда поняла, как болят руки. Снаружи на камеры это всё ещё выглядело прилично. Внутри она кипела от злости на себя.

Ты показывала зубы. Спорила с машиной. И что в итоге? Одно очко.

Крис держался так, как и положено главе команды. Когда журналисты полезли с вопросами, не слишком ли это слабый дебют для такой ставки, он ответил спокойно:

— Для первого Гран-при у нас было слишком много проблем по балансу. Это видно по данным. Пилот довёл машину до финиша, не потерял голову и дал команде материал для работы. Говорить о чём-то ещё слишком рано.

Потом спросили Йена.

Он даже не стал делать вид, что собирается быть удобным.

— Он доехал, — сказал Йен, снимая кепку. — Для некоторых новичков и это недоступная роскошь.

Вопросы достались и Джеки.

— Разочарованы результатом?

Она повернула голову, но взгляд снова упёрся в сторону трассы.

— Я всегда разочарован, когда впереди больше чужих спин.

— Давит ли на вас сравнение с вашим напарником?

— На меня сегодня давил задний тормозной контур, — сказала она устало. — Всё остальное пока переживу.

Она двигалась между стойками почти на автомате, но в голове было слишком шумно. Проверяла снова и снова. Разбирала каждую деталь, каждое движение, каждый момент, где могла дать слабину. Где ошиблась. Где могла быть быстрее.

Её задевали не взгляды и не шёпот за спиной.

Она сама знала, где не дотянула.

Это и было её топливом сейчас: не злость на других, а разочарование в себе.

ГЛАВА 13

PADDOCK

Шанхай встретил их влажным воздухом, серым небом и шумом большого города, в котором даже трасса казалась частью механизма, работающего без остановки.

После Австралии команда уже не смотрела на Джеки как на странный эксперимент, но и настоящего доверия ещё не было. Скорее — режим проверки. В Titanium Racing доверие не выдавали вместе с формой. Его приходилось привозить кругами, секторами, очками и отсутствием глупых ошибок.

В Китае машина сначала вела себя лучше.

В квалификации темп был, но цена у него оказалась слишком высокой. Как только Джеки пыталась держать ритм первых двух групп, резина начинала уходить быстрее расчётного окна.

К середине дистанции машина уже не ехала — скользила, будто кто-то подложил под колёса тонкую плёнку масла. Каждый поворот требовал лишней деликатности, каждое торможение — лишней молитвы.

— Джеки, режим управления шинами.

— Они умирают у меня.

— Не спорю. Но вариантов всё равно нет.

Последние круги тянулись унизительно долго.

На финише — двенадцатое место. Без очков.

Пресса отреагировала быстро и предсказуемо:

Ошибка менеджмента?

Новичок не тянет?

Ранний успех переоценили.

Titanium слишком рано поверили в красивую историю.

Судзука была совсем другим разговором.

Ни городская нервозность, ни вязкий Китай. А трасса-легенда, которую уважают даже те, кто терпеть не может признавать чужое величие. Быстрая, техничная, требовательная, из тех, что сразу чувствуют, врёшь ты или нет.

В день гонки пошёл дождь.

Не стена воды, не киношный потоп — хуже. Холодный, скользкий, переменный дождь, от которого трасса становится коварной. Ты вроде бы видишь асфальт, но не знаешь, что именно он собирается сделать с тобой в следующей связке.

Первые круги Джеки держалась. На пятом её понесло.

Всё произошло быстро и глупо: чуть позднее торможение, чуть меньше сцепления, чем ожидала, короткая разгрузка, потерянная задняя ось — и дальше уже гравий, стена и тупой удар, от которого сначала глохнет звук внутри головы, а потом возвращается слишком резко.

— Джеки, ты в порядке? — крикнул Уилл в радио.

Она сидела, сжав зубы так, что заболела челюсть.

— Я в порядке, — прохрипела наконец. — Но машина — нет. Простите, ребята.

Трибуны зааплодировали. Японские зрители умели уважать даже чужой провал, если он прожит честно.

Для неё это был не жест публики, а сход, разбитая машина и ещё один повод для заголовков.

В боксах стояла нехорошая тишина.

И, конечно, её розовые мечты о том, как они с Йеном станут идеальными напарниками, будут дурачиться, помогать друг другу и прикрывать спины, разбились вдребезги после первой же гонки. Вместо беззаботного сближения её ждали проблемы с болидом, с которым никак не удавалось найти общий язык, а напряжённая атмосфера паддока, лишь подливала масла в огонь её неуверенности. С каждым днём стресс нарастал, а вера в собственные силы таяла.

Вечером, когда трасса уже выдохлась после дождя, Джеки шла по служебному коридору и увидела Йена. В последнее время они почти не разговаривали, разве что обменивались необходимыми репликами перед камерами.

Йен не собирался к ней подходить, но почему-то против воли замедлил шаг.

Остановился рядом, слишком близко для обычного, цивилизованного разговора, но не настолько, чтобы это можно было открыто назвать физической угрозой. Просто запер её в поле своего присутствия, встав так, что Джеки пришлось закинуть голову и поднять на него глаза.

— Соберись и отрасти себе яйца, Адамс, — произнёс он тихо. — Ты слишком часто даёшь повод для разговоров о нас.

Джеки медленно подняла на него глаза и сказала самое глупое, что могла сказать в этой ситуации:

— Я вообще-то сам выбрался из машины. Спасибо за беспокойство.

Его губы тронула холодная усмешка.

— И что ты хочешь за это? Аплодисменты? Вылезти из обломков — минимум. Вопрос в другом. Почему вообще пришлось из них вылезать?

Она сжала пальцы в кулак.

— Если ты не заметил, на этой трассе сегодня разбились ещё несколько пилотов. Тебе легко говорить. Ты, наверное, уже забыл, как выглядит большая ошибка.

Лицо изменилось едва заметно, но воздух между ними стал плотнее.

— Ты действительно хочешь говорить со мной о цене ошибки?

Она резко замолчала, чувствуя, как инстинкт самосохранения бьет тревогу. Ещё один шаг — и назад из этого капкана уже не выйти.

Йен наклонился к ней ещё ближе, практически стирая дистанцию и обжигая дыханием лицо. Голос остался ровным, но в нем прорезалась та самая смертоносная, свинцовая твердость:

— Дам тебе один ценный бесплатный совет, пока ты не улетел с трека окончательно. Здесь, в паддоке, никого не интересует, что тебе тяжело. Не интересуют твои сопли и внутренние надломы. Если ты не справляешься с давлением — тебя просто вычеркивают из списков. Формула-1 любит тебя только до тех пор, пока ты быстрый. Довольно простой бизнес.

Он хищно чуть прищурился, ввинчиваясь взглядом в её расширенные зрачки.

— Если ты быстрый — тебе дадут время и простят косяки. Если нет — тебя уберут и заменят следующим мясом. Вот и вся философия этого спорта. Так что застегни свой комбинезон покрепче.

Джеки смотрела на него молча. Возразить было нечем.

— И да, — добавил он, — если продолжишь разбрасываться машинами, как нервный подросток, которому дали слишком дорогую игрушку, я сам первым скажу, что тебя пора снять.

Она сглотнула.

— А если я снова ошибусь?

— Тогда тебя заменят.

Сказано почти без эмоции. Именно поэтому задело глубже всего.

— У тебя есть ещё пара гонок, чтобы перестать выглядеть красивой ошибкой менеджмента. Используй их.

Джеки осталась стоять в пустом коридоре с красным лицом и жжением в горле.

Слёзы пришли только через несколько минут, когда она поняла, что не может проглотить это поражение. Потому что он был прав.

——— # ———

На следующей пресс-конференции журналисты явно ждали крови.

Диего Саламанка из Iron Storm развалился в кресле, лениво крутил в пальцах крышку от бутылки и выглядел так, будто всё происходящее — затянувшаяся реклама спонсоров. Рядом Ривер де Врис сидел чуть подавшись вперёд, сцепив пальцы в замок. Спокойный, собранный, с тем лицом, которое раздражает журналистов сильнее грубости.

Они были полной противоположностью друг другу. Диего — громкий, эмоциональный, хаотичный. Ривер — сухой, саркастичный, хладнокровный. Именно на этом контрасте держалась их странная химия. Публика обожала их подколы, соцсети разносили интервью за минуты, а Iron Storm второй сезон подряд держались в борьбе за Кубок конструкторов не благодаря шуткам, а благодаря очкам.

Худенький журналист нервно поправил бейджик.

— Ривер… многие считают, что сегодня команда делала ставку на Диего. Вас это устраивает?

Несколько человек в комнате сразу подняли головы.

Диего медленно повернул бутылку в руках, уже понимая, к чему всё идёт. Ривер не изменился в лице. Только коротко посмотрел на журналиста.

— Меня устраивает машина, которая едет быстро. Остальное — работа людей в наушниках.

В зале послышались смешки. Журналист нервно улыбнулся, но всё же продолжил:

— Но вам не кажется, что иногда команда относится к вам немного иначе?

Ривер откинулся назад в кресле. Чуть повернул голову к Диего. Пауза затянулась ровно настолько, чтобы всем стало неловко. Потом он спокойно сказал:

— Конечно относится. Диего улыбается на фотографиях. Я привожу очки.

В комнате кто-то прыснул со смеху.

Диего хищно улыбнулся, не поднимая взгляда от бутылки.

— Придурок.

Йен сидел в центре, собранный и непроницаемый. Кто-то из журналистов перевёл огонь на него:

— Йен, что вы думаете о выступлениях вашего нового напарника? Австралия — очки, Китай — без очков, сегодня — авария. Для Titanium это повод для тревоги?

Йен переплёл пальцы.

— Тревоги? Это вы о своей? У нас нет оснований хвалить то, что ещё не доказало право на похвалу. И нет оснований раздувать проблему раньше времени. Следующий вопрос.

— Но потенциал вы видите?

— Кто знает.

— Значит ли это, что, если результат не придёт быстро, команда должна принять жёсткое решение? — не отставал журналист.

— Результат быстро приходит только в двух случаях: когда всё слишком легко и когда кто-то врёт в пресс-релизе, — сухо ответил Йен. — Команда не рубит сплеча.

Джеки стояла в трейлере перед экраном. Руки были скрещены на груди, пальцы впивались в локти почти болезненно.

Она всматривалась в экран, ловя каждую интонацию и каждую паузу. И всё равно не могла понять. Он защищал её или просто защищал команду? Может быть, разницы и не было.

Она чуть заметно кивнула самой себе, принимая это как новую отправную точку.

В следующей гонке она заставит их замолчать. Всех, без исключения. И его тоже.

Джеки сидела с инженерами над телеметрией, лезла в настройки, спорила о дифференциале на выходе, задавала вопросы про износ, училась понимать, где машина врёт, а где врёт уже её собственное тело.

Однажды Хью, глядя, как она в рабочей футболке стоит над разобранной частью подвески и спорит с аналитиком о том, почему машина в Японии сорвалась именно там, а не раньше, хмыкнул:

— Тебе кто-нибудь говорил, что это вообще-то не работа пилота?

Она не подняла головы.

— У меня просто больше свободного времени, чем у остальных.

Он покачал головой, но уже без прежнего раздражения.

К концу третьего уик-энда механики больше не смотрели на неё как на модную проблему, спущенную сверху. Своей до конца она не стала — такие вещи не случаются за три недели. Но у неё уже появилось то, что в гараже ценят выше симпатии. Уважение.

Когда пришла первая по-настоящему большая зарплата, Роберт протянул ей бумаги почти с раздражением:

— Ты хотя бы посмотри на сумму.

Джеки стянула перчатки и бросила быстрый взгляд.

— Вычти из долга.

Он прищурился.

— Это твой первый серьёзный гонорар. Нормальные люди в такой момент хотя бы делают вид, что рады.

— Порадуюсь, когда поднимусь на подиум.

Аравийская ночь пахла специями, свежестью бриза и едва уловимым дымом кальяна.

Джидда сияла так, словно вдоль побережья кто-то рассыпал ожерелье из тысячи огней. Стеклянные башни, подсвеченные арки, фонтаны, бьющие в чёрное небо, широкие проспекты, по которым машины скользили, как тени. Восток здесь не был мифом. Он был громким, дорогим, самоуверенным — и оттого почти нереальным.

У входа в фан-зону толпились люди в белых дисдашах, чёрных абайях, командных кепках и футболках. В руках — плакаты, флаги, телефоны, детские рисунки, растяжки с именем Йена, а кое-где уже и с её именем тоже.

В шатре было душно даже под кондиционерами. Когда на сцену поднялись оба пилота Titanium Racing, толпа взорвалась. Йену, как и ожидалось, достался главный удар оваций. Но кричали и Джеки тоже — громко, искренне, много. Это смутило её сильнее, чем она хотела показать.

Журналист с микрофоном улыбнулся:

— Джеки, вы уже попробовали местный кофе с кардамоном?

Она моментально просияла.

— Попробовал. И теперь понимаю, почему здесь гонки ночью. После такого кофе спать — дисциплинарное наказание. Но, если честно, я больше нацелен на ваш кебаб. Уверен, с ним у меня отношения сложатся быстрее.

Толпа рассмеялась. Ведущий повернулся к Йену:

— Йен, а вы что скажете о местной кухне?

Йен даже не попытался изобразить заинтересованность.

— Я сюда не за кухней прилетел. Но, если мой напарник привезёт больше пяти очков, я лично угощу его королевскими финиками.

Толпа ахнула и тут же зашумела от восторга.

Джеки повернулась к нему с наглой улыбкой:

— Тогда мне стоит удвоить усилия. Насколько я знаю, финики очень полезны.

Йен скользнул по ней коротким взглядом, выдавливая из себя подобие улыбки.

Камеры защёлкали быстрее. Живой обмен репликами всегда нравился публике больше подготовленных шуток.

После этого последовал вопрос, который ждали как лёгкий, завершающий:

— Джеки, если бы у вас здесь был один день без гонки, тренировок и камер, что бы вы сделали?

Она уже собиралась ответить чем-то быстрым и удобным, но на секунду замолчала.

И это молчание оказалось интереснее заготовленной шутки.

— Наверное, я бы поехал к Красному морю, — сказала она наконец. — Просто сидел бы у воды и смотрел на волны. Их сносит, ломает, переворачивает, но они всё равно возвращаются. Снова и снова. Наверное, это и есть самая важная памятка для гонщика.

Шатёр притих. Йен повернул голову чуть медленнее, чем обычно. На его лице ничего не изменилось, но во взгляде мелькнуло короткое, почти невольное изумление. Он не ждал от неё этой мысли. Скорее обычной банальности, после которой можно улыбнуться и спуститься со сцены.

Позже они шли через сервисный коридор паддока под выстрелы вспышек и гул голосов. Йен шёл первым, как всегда — быстро. Джеки держалась чуть позади, отвечая коротким взмахом руки фанатам, которых ещё не оттеснила охрана.

Он заговорил только тогда, когда они скрылись от людей и камер.

— Адамс, ты ведь стартуешь из середины? В Джидде первый поворот — мясорубка. Полезешь внутрь — тебя там размажут. Держись снаружи. Пусть другие дерутся за воздух, а потом забери то, что после них останется.

Джеки остановилась на полшага.

— Ты сейчас… совет мне даёшь? Серьёзно? Сам Йен Эшфорд?

Он даже не замедлился.

— Я не привык повторять полезные вещи дважды. Команде не нужен второй разбитый болид. Хочешь — слушай. Не хочешь — лети в стену.

И на этом разговор для него закончился.

Джеки осталась на месте ещё на секунду. Это не было похоже на его обычную язвительность. Это был первый настоящий совет.

И в такие редкие моменты ей ещё сильнее хотелось верить, что под его холодом есть что-то живое. Любовь, как выяснялось, не исчезала только потому, что становилась неудобной. Но теперь рядом с ней всё отчётливее росло другое чувство — профессиональный голод.

И вот его нельзя было путать ни с мечтой, ни с романтической глупостью.

Гонка

Джеки стартовала чисто. Когда впереди началась обычная стартовая возня, она — вопреки инстинкту — не нырнула внутрь. Осталась чуть шире, выждала, переждала чужую жадность и тут же забрала две позиции, пока другие дрались на сантиметрах.

— Хорошее начало, — коротко бросил Уилл по радио. — Так и продолжаем.

Она не ответила. В голове уже стояла слишком личная и глупая мысль.

Он дал совет, и совет работает.

Первые круги шли ровно. Машина не была идеальной, но слушалась. Темп держался. Гонка наконец переставала быть борьбой за выживание и начинала напоминать работу.

На двадцатом круге всё сломалось.

— Уилл, я теряю мощность! — голос Джеки по радио сорвался раньше, чем она успела это скрыть. — Она не тянет. Совсем.

— Видим. Проверяем.

На мостике замолчали на долю секунды. Потом кто-то быстро выругался.

— Джеки, бокс, бокс. Немедленно, — голос Уилла стал слишком рваным. — Давление топлива падает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.